

ДМИТРИЙ ЗОРИН

Фрагменты памяти том II

МАРШ В НИКУДА

Дмитрий Зорин

**Марш в никуда.
Фрагменты памяти. Том II**

«Издательские решения»

Зорин Д.

Марш в никуда. Фрагменты памяти. Том II / Д. Зорин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905817-1

Данная книга является продолжением первой книги сборника под названием «Сказка и быль». Путь, который судьба отмерила пройти поколению автора, с начала 60-х до середины 80-х годов, получивший отражение в этой книге, был насыщен многими событиями. На своём примере автор стремится показать потомкам, что их может ожидать на пути вхождения в самостоятельную жизнь, обретения семьи и необходимости осознания связанной с этим ответственности.

ISBN 978-5-44-905817-1

© Зорин Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая:	6
От автора	6
Глава первая:	8
Глава вторая:	14
Глава третья:	22
Глава четвёртая:	30
Глава пятая:	40
Часть вторая:	50
Глава шестая:	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Марш в никуда Фрагменты памяти. Том II

Дмитрий Зорин

© Дмитрий Зорин, 2018

ISBN 978-5-4490-5817-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация на вторую книгу сборника

«Марш в никуда»

Данная книга является логическим продолжением первой книги сборника под названием «Сказка и быль». Эта книга получила название «Марш в никуда». Она отражает состояние общества и условия жизни советских людей в замкнутом пространстве «Железного занавеса» периода «Холодной войны». Начало этого периода отмечено в советской историографии как «хрущёвская оттепель». Для автора и его товарищей этот период был знаменателен прощанием со студенчеством и началом новой жизни в качестве молодых специалистов – так называли тогда выпускников техникумов и ВУЗов.

На этом пути молодым людям пришлось столкнуться не только с трудностями профессионального роста, но и с противоречиями между тем, чему их ранее учили, и практикой жизни, в том числе в сфере идеологических и нравственных отношений. Этому автор уделяет в книге много внимания, делясь своим опытом с последующими поколениями, считая, что именно на этом этапе формируются профессиональные и нравственные качества молодого человека. Именно в преодолении трудностей и противоречий формируется его гражданская позиция. Хотя период «хрущёвской оттепели» не предвещал никаких катаклизмов, тем не менее, смену лидеров во власти добровольной не назовёшь. В период «брежневского застоя» страна оказалась на пороге тяжелейшего кризиса, поразившего «надежду всего трудового человечества» – страну Советов. В этот период автор и его поколение вошло, будучи зрелыми людьми. Многие из них, обретя свой жизненный опыт, были готовы принимать самостоятельные решения вне зависимости от идеологических установок. Это тоже нашло отражение в данной книге.

Путь, который судьба отмерила пройти поколению автора, с начала 60-х до середины 80-х годов, получивший отражение в этой книге, был насыщен многими событиями. Они имели основополагающее значение для формирования у автора и его современников восприятия жизни, их самосознания, их гражданской ответственности. На своём примере автор стремится показать потомкам, что их может ожидать на пути вхождения в самостоятельную жизнь, обретения семьи и необходимости осознания связанной с этим ответственности, необходимости овладевать умением преодолевать жизненные трудности и всегда быть готовым к борьбе за отстаивание своих идеалов достоинства и чести.

«Сии слова верны и истинны»

(Откровение святого

Иоана Богослова)

Каждый человек, которого я встречаю, меня в чем-то превосходит, и в этом смысле, я могу у него поучиться.

Ральф Эмерсон, американский философ

Часть первая: Пора зрелости (1961—1965 гг.)

От автора

В название данной книги автор заложил смысл её содержания, отражающего состояние общества и условия жизни советских людей стремящихся к реализации цели – построения общественного устройства всеобщего благосостояния и счастья, называемого коммунизмом. В эту сказку поверили не только советские люди, но и миллионы людей из других стран. Настолько она была желанна и завлекательна.

Период, с которого автор начинает своё повествование в этой книге в современной историографии освещается так:

«Пришедший к власти в итоге напряжённой борьбы с соратниками Сталина Хрущёв искренне стремился к переменам и успел многое: развенчал деятельность Сталина и начал реабилитацию репрессированных, попытался реформировать сельское хозяйство, стремился упрочить позиции СССР во внешнем мире. Но во всех случаях не хватало серьёзного осмысленного анализа положения в стране. Возврата к Сталинским временам уже не могло случиться, но и как двигаться вперёд, архитектор „оттепели“ представлял себе весьма смутно» [5, стр. 299].

Приведённый выше вывод находит подтверждение в характеристике этой противоречивой натуры, данной академиком А. Н. Яковлевым:

«Как вредоносный утопист и несгибаемый жрец всеобщего счастья через советский строй, Хрущёв без колебаний шагал в коммунизм. Стремился за горизонт, но отдалялся от него ровно настолько, насколько приближался к нему. Он совсем не знал, что там, за горизонтом. Как говорили древние, человек идёт дальше и дальше тогда, когда не знает, куда он идёт» [7, стр.175].

Подтверждением этому была новая Программа КПСС, принятая XXII съездом партии, прошедшим в Москве 17—31 октября 1961 года. Эта программа авантюрно провозглашала построение в СССР коммунистического строя к 1980 году: *«Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»*¹

Как говорится *«Пути господни неисповедимы»* так и путь, которым нас хотели привести в коммунизм возомнившие себя богами большевики, был им не ведом.

Хрущёв как историческая личность в немалой степени определял общественное и государственное развитие страны в течение первого десятилетия после смерти Сталина.

Завершает книгу автор освещением, как считали некоторые исследователи, началом оздоровительного периода больного общественного организма, находящегося на пороге тяжелейшего рецидива кризиса этой болезни, который ему ещё предстоит перенести.

Путь, который отмерила судьба пройти поколению автора в средней части его жизни длинной в четверть века, получивший отражение в этой книге, был насыщен многими событиями. Они имели основополагающее значение для формирования автором и его современниками восприятия жизни, их самосознания и гражданской ответственности. И тем больнее было на завершающем этапе этого пути ощутить осознание тупиковой ситуации, в которую завела страну бесперспективная, построенная на псевдонаучных догмах и демагогии идеология, десятилетиями прививаемая сотням миллионов советских граждан большевистской властью.

История учит, что преемственность поколений не означает огульного приятия опыта предков.

Необходимо уметь отделять хорошее от плохого, полезное от наносного, здоровое от больного. Только путём критического анализа и воспроизводства положительных качеств прошлого опыта, возможно совершенствование своего опыта и передача его в обогащённом виде потомкам. Приверженность этому принципу имеет исключительное значение для автора этого труда. Сегодня это стало возможным, а тогда по яркому выражению одного моего современника и хорошего товарища —

«советский народ стройными рядами маршировал к стабильному состоянию под бравурные звуки хорошо слаженного марксистко-ленинского ансамбля» [8, стр.9].

Начало этого периода, называемого многими историками *«оттепелью»* не предвещало ни каких катаклизмов, тем более угроз существующему строю и власти.

---

¹ Из речи Хрущёва на XXII съезде КПСС

Глава первая: Начало нового пути

С окончанием учёбы в техникуме ушла в прошлое незабываемая пора пылкой юности и бесшабашной ранней молодости. Мы, я имею в виду себя с женой и наших однокашников по техникуму, вышли на старт новой жизни. Дальше была дистанция длиною в жизнь и сколько её каждому судьба отмерила, нам было неведомо. Каждого ждала своя доля, своя судьба, но начало нового пути у всех было сходное. Получив распределение на работу, мы после последней встречи на выпускном банкете расстались, и со многими за редким исключением уже больше никогда не встречались, хотя клялись собираться регулярно. Со свойственной нашему возрасту беспечностью мы были убеждены в счастливом будущем, не ведая о тех препятствиях, которые жизнь нам готовила, которые нам предстояло преодолевать, или отступать перед ними.

Начав движение с общего старта, мы отправились в путь, направление и правила его прохождения нам было определено с детства и закреплено в период отрочества и юности. Направление это определялось высшей целью, обозначенной нам КПСС – построение *«светлого коммунистического будущего»*. Но жизнь природы протекает по своим законам и правилам, которые, будучи неподвластны идеологическому догматизму, нередко диктовали нам свои условия, и как им следовать, зачастую приходилось решать самостоятельно.

Надо признать, что власть последовательно проводила политику государственной поддержки молодёжи, оканчивающей высшие и средние специальные учебные заведения. Статус *«молодых специалистов»* обеспечивал выпускникам получение на предприятиях распределения заявленных их руководством должностей, размера заработной платы, предоставление жилья. Для одиноких выпускников – это минимум – место в общежитии. Для семейных выпускников – это минимум – комната в общежитии с льготной перспективой получения квартиры. Иногда при наличии потребности в специалистах и возможностей предприятие предоставляло молодым специалистам сразу квартиру. Молодого специалиста не имели права использовать не по назначению (не по специальности), уволить с работы до истечения двух лет. Прибывшим на работу предоставлялся ряд льгот, предусмотренных действующим законодательством и условиями договора при распределении. Государство заботилось о выпускниках ВУЗов и средних специальных учебных заведений, и защищало их права.

Задолго до выпуска в учебные заведения по ведомственной принадлежности или по потребности от предприятий, организаций, учреждений поступали заявки на молодых специалистов. В этих заявках указывалось: предлагаемая должность, должностной оклад, форма обеспечения жильём и ряд других обязательств предприятия по отношению к будущему молодому специалисту. Все поступившие предложения вакансий вывешивались на специальном стенде для ознакомления выпускников.

Право выбора обеспечивалось средним балом оценки знаний выпускников за весь период обучения. Таким образом, правом первоочередного выбора пользовались выпускники с высоким средним балом. Те, кто имел средний бал ниже, довольствовались при распределении тем, что осталось. Вроде бы справедливая методика распределения – хорошо учился, получаешь лучшее место – учился хуже, получай, что осталось. На практике это далеко не всегда гарантировало предприятию приобретение специалиста того уровня, на который оно рассчитывало. Высокий средний бал теоретической подготовки в учебном заведении не гарантировал гармоничного соединения теории с практикой. Нередко молодые специалисты со средним уровнем теоретических знаний на выходе из учебных заведений становились профессионалами в сфере производственной деятельности и хорошими организаторами производства. И наоборот, молодые специалисты, имеющие высокие показатели теоретической подготовки,

оказывались не способными к практической производственной деятельности. Но именно из их числа формировался резерв управленческого персонала. Именно они чаще проявляли себя в общественно-политической сфере.

Молодым людям, создавшим свою семью в отличие от своих товарищей по студенческой поре, не обзаведшимися семьями, вхождение в самостоятельную жизнь было серьёзным испытанием. Это относилось и к автору книги, хотя ему, уже имеющему на тот момент опыт производственной деятельности, было легче адаптироваться в новой обстановке. Далее автор обращается к читателю от первого лица.

На первом этапе нам с супругой предоставили рабочие вакансии, это было общепринятой практикой. Лично я впоследствии убедился, что такой подход был оправдан. Трудно стать хорошим руководителем, не зная всех тонкостей работы своего участка, а познать это можно только, пройдя все этапы этой работы. Мой жизненный опыт позволяет сделать вывод, что авторитет любого руководителя, прежде всего, зависит от его профессионализма, а уж потом от всего остального. На период этого повествования я ещё не обладал таким опытом. На начальном этапе мне предложили работу слесаря ремонтной бригады лесопильного цеха с оплатой по тарифу пятого разряда, а жене работу бракера на складе готовой продукции.

Надо отдать должное руководству всех уровней предприятия за внимание и доброжелательное отношение к нам, только вступившим на путь своей самостоятельной жизнедеятельности. Мы в этом очень нуждались, учитывая наличие у нас маленького ребёнка и это, конечно, нам очень помогало. Нас обеспечили двухкомнатной квартирой в помещении барачного типа, но мы были и этому рады, ведь это было наше первое своё семейное гнёздышко, а в то время с жильём в Красноярске, как и во всей стране, было тяжело. Только начиналась развёртываться хрущёвская программа ликвидации жилищной проблемы за счёт массового строительства малогабаритного дешевого жилья, так называемых в народе «хрущёвок». Нам было выплачено положенное по закону молодым специалистам подъемное пособие, что позволило начать обустройство нашей маленькой квартирки.

Приобретённые ранее на производстве и в период учёбы в техникуме опыт производственной деятельности и технические знания помогли мне быстро вписаться в трудовой коллектив, чему не в малой степени способствовала и присущая мне коммуникабельность. И всё же главным были помощь бригады и правильное решение руководства цеха об использовании меня в ремонтной бригаде. К этой работе в какой-то степени я был готов. У меня был опыт работы станочника по металлообработке на телевизорном заводе или как он в то время назывался – п./я 124 и слесаря-ремонтника на заводе самоходных комбайнов. В техникуме я приобрёл определённый объём технических знаний, необходимых для работы с чертежами и эскизирования деталей, по техническим требованиям к их изготовлению, а также получил практику обслуживания и ремонта деревообрабатывающего и лесопильного оборудования. Думаю, что если бы меня поставили дежурным слесарем в этом цехе я, наверное, не справился бы со своими обязанностями, уж очень специфична работа дежурного слесаря в лесопильном цехе, а работа в ремонтной бригаде рядом с опытными товарищами и механиком были мне по силам. Механиком цеха работал Владимир Беляев, слесарь профессионал экстра-класса, а бригадиром ремонтной бригады был не уступавший ему в профессионализме Пётр Бартушка. Это его так переименовали на русский лад, а на самом деле его звали Петрас, по национальности он был литовец. Они были большими друзьями и заменяли друг друга во время болезни или отпусков. Хотя, что касается болезни, то я таких случаев не помню. Мы как-то быстро нашли друг с другом общий язык и вскоре все заговорили о трёх неразлучных друзьях. Они компенсировали недостаток моего профессионализма в практике проведения ремонтных работ, терпеливо объясняя мне те или иные приёмы и всячески помогая мне. Я был им полезен в технической части подготовки и проведения тех или иных видов ремонтов согласно утверждённому на комбинате графику ППР (планово-предупредительный ремонт).

Технология лесопиления при трёхсменном режиме работы предусматривает обязательную наладку, регулирование и осуществление ремонтных работ в выходные дни. Это позволяло поддерживать оборудование, работающее в тяжёлых условиях эксплуатации, в рабочем состоянии. К осуществлению этих работ привлекались наиболее квалифицированные специалисты рабочих профессий и ИТР (инженерно-технические работники). Их объединяли в специальные ремонтные бригады, основная деятельность которых, как отмечалось выше, проходила в выходные дни. В будничные дни недели, производилась тщательная подготовка к этим работам. Подготовка включала в себя изучение состояния работы оборудования по записям в журнале дежурных ремонтников, по показаниям приборов регистрирующих работу механизмов, по замечаниям рабочих-станочников, мастеров, технологов и других специалистов. Далее составлялся план проведения ремонтных работ на выходные дни, заказывались в ремонтно-механическую мастерскую детали, требующие замены, приобретались запчасти и необходимые материалы, изготавливались приспособления. В помощь бригаде придавались необходимые для производства ремонтно-наладочных работ специалисты разных профессий: плотники, шорники, станочники ремонтно-механических мастерских, газоэлектросварщики, кузнецы и другие. Мне, помимо непосредственного участия в осуществлении ремонтных работ вменялось в обязанность: составление эскизов деталей, требующих замены или восстановления, с указанием технических требований к их изготовлению; оформление заказов на их изготовления и заявок на запчасти и материалы; осуществление контроля над техническим обеспечением ремонтных работ. Во время ремонта я наравне с другими рабочими выполнял любую необходимую работу. Этот период моей трудовой деятельности позволил приобрести практические навыки технического мышления, конструирования, пространственного воображения, практику работы разными инструментами, использования стандартных и нестандартных приспособлений. Всё это впоследствии мне очень пригодилось, и позволило чувствовать себя уверенно в будущем.

Мои новые друзья пользовались непререкаемым авторитетом не только в коллективе цеха, в котором мы работали, но и на комбинате. Их советом не гнушались главные технические специалисты, руководители аппарата управления предприятием. К их помощи прибегали, когда где-то возникала аварийная ситуация, или требовалось профессиональное исполнение каких-либо работ. Надо сказать, что их труд всегда высоко оплачивался. Не обходили их и поощрениями, включая денежные премии. Они подключили меня ко всем своим работам, и я стал пользоваться теми же благами, что и они. Мне, как человеку чуть больше года создавшему семью, и только что начавшему самостоятельную жизнь, это было как нельзя кстати.

Если на работе мы были едины, то бытовая сторона жизни складывалась у нас по-разному. У Володи с семьёй не всё было благополучно, а с Петром мы несколько лет дружили семьями. Его жена, по профессии школьный учитель, на мой взгляд, была умной женщиной, добрым человеком и хорошей хозяйкой. У них было две очаровательных девочки и мальчик. Мы с супругой часто бывали у них в гостях. Они у нас бывали почему-то гораздо реже, наверное, мы ещё не умели быть гостеприимными, хотя я, во всяком случае, к этому очень стремился. Правда, у нас были ещё две семейные пары, с которыми мы в то время дружили, и они часто бывали у нас в гостях, как и мы у них. Наверное, потому что мы жили вблизи друг друга и в одинаковых условиях, т.е. в домах барачного типа и это нас уравнивало. Это тоже были мои друзья. Один из них начальник ремонтно-механических мастерских Николай Зубрилов, другой мой коллега, работающий дежурным слесарем в том же цехе Павел Бочкарёв.

Семья Зубриловых была близка нам по духу, они так же были молодыми специалистами, примерно одного с нами возраста и интересы у нас были схожи. У них был сын немного старше нашего старшего сына Юры, жившего пока на Украине у бабушки.

Павел Бочкарёв мне много помогал на первом этапе, и мы с ним сдружились. У него была хорошая жена, которая всегда нас привечала и дочь, которую они очень любили. Наши с Пав-

лом дружеские отношения продолжались долгое время, дольше, чем со всеми упомянутыми выше мною лицами, и в этом заслуга его и его жены.

Если мне, как мужчине, я считаю, повезло с работой, то моей жене как молодой женщине на первом этапе пришлось не совсем легко. Её назначили бракёром на биржу (склад) пиломатериалов. Это очень ответственный участок службы технического контроля качества продукции. Помимо ответственности это работа связана с тяжёлой физической нагрузкой и работой на открытом воздухе в течение всей смены. Предприятие работало в три смены, и это для молодой девушки тоже было не просто. Я в ночные смены встречал её, так как район, в котором мы жили и работали, не считался в городе благополучным. Вскоре она была переведена в цех домостроения, сначала контролёром, а потом мастером ОТК (отдел технического контроля). Таким образом, она раньше меня, пройдя испытание рабочей профессией, стала инженерно-техническим работником. Будучи человеком ответственным и не лишённым карьерных амбиций, что я считаю нормальным качеством, моя жена успешно продвигалась по карьерной лестнице, и пользовалась заслуженным авторитетом и уважением окружающих, как в среде рабочих, так и в среде ИТР и служащих.

В отличие от многих своих бывших однокашников, не отягощённых семейными заботами и думами о детях, нам с женой приходилось более рационально планировать наш семейный бюджет. Кроме этого нам очень хотелось начать хоть как-то помогать родителям, которые продолжали поддерживать нас, сознавая, что у нас ещё ни чего нет, что нам надо что-то приобретать, как-то обустраивать свою жизнь. И это действительно было так, но мы сознавали, что пора бы уже и честь знать.

Семейные и общественные отношения в среде нашего и ближайших ему поколений при наличии некоторых различий в основном были схожи. Так мой брат заканчивал учёбу в Сибирском технологическом институте на лесомеханическом факультете. У него наступила ответственная пора работы над дипломным проектом и его защита перед ГЭК (Государственной экзаменационной комиссией). Наша мама представитель поколения родителей, продолжала работать в Красноярском гарнизонном госпитале, а бабушка представляющее ещё более старшее поколение, вышла на пенсию и командовала домашним хозяйством. Жили они одними целями, руководствуясь сложившимися принципами, основу которых составляло воспитание и опыт предков. Мы постоянно общались, считая себя единым целым, поэтому наши с женой заботы воспринимались ими как свои и, наоборот, их заботы не были для нас безразличны, и все мы в силу своих возможностей старались помогать друг другу. Так жило большее число наших современников.

Семейная сплочённость, базирующаяся на родовых и общественных традициях, заботливое отношение родителей к своему потомству и ответственность за исполнение воспитательных функций, любовь и уважение детей к родителям, и чувство долга перед ними, вот отличительные особенности семейных отношений наших поколений, являющееся воплощением в нас опыта наших предков. Это, я считаю – один из примеров преемственности поколений.

В связи с этим необходимо сделать маленькое отступление и, нарушив хронологическую последовательность повествования, обратить внимание читателя на то состояние отношений, между детьми и родителями, которое сложилось в нашем обществе сегодня. Может быть, это сравнение заставит некоторых увидеть своё отражение не в кривом, а в нормальном зеркале, и попытаться, пока не поздно, что-то исправить в своей жизни, и в жизни общества в целом. Для меня и представителей моего поколения неожиданным стало обстоятельство, которое как-то незаметно вошло в образ жизни нынешних поколений соотечественников. Это обстоятельство касается не только отношений детей и родителей непосредственно, но и отношения к этому общества и государства и, что меня больше всего поражает, это безысходная покорность, с которой к этой ставшей проблемной для многих стариков ситуации относятся они сами.

Для нас отношение к родителям, забота о них было священным понятием. Мы не воспринимали это как обязанность, это с детства закладывалось в наше сознание и не только родителями. Это и генетическая память предков, и надо отдать должное, действовавшей тогда в стране системе воспитания молодого поколения. Слова из популярной в наше время песни: *«Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почёт»*, были основополагающим принципом нашей жизни.

У нас родители в большинстве своём помогали и сегодня помогают детям, пока хватает здоровья и сил, и многие дети воспринимают это как должное. Правда, почему-то случилось так, что некоторые представители нынешних поколений, и, к сожалению, число их пока не уменьшается, не считают себя обязанными перед родителями, достигшими преклонного возраста, или по состоянию здоровья потерявшими возможность обеспечить себе сносное существование, которое в нашу бытность детьми им обеспечивало государство с нашим участием. Я мучительно ищу ответ на вопрос, как это могло случиться?

Сталкиваясь с образом жизни американцев или жителей некоторых стран западной Европы в период своих деловых поездок, я обратил внимание на отличительную особенность существующих там взаимоотношений между родителями и их детьми. В Америке, например родительские обязанности перед детьми обычно заканчиваются по достижению последними совершеннолетия и получения образования или профессии. И, тем не менее, отношения доброжелательности, готовности оказать помощь, там сохраняются. Нечто подобное отличает и другие страны, хотя всегда присутствуют свои национальные черты в родовых отношениях, но антагонистических элементов, подобных тем, что в последнее время присутствует у нас, мне встречать не приходилось.

Сегодня не является из ряда вон выходящим не только безразличие детей к своим старым и немощным родителям, но даже враждебное отношение к ним, нанесение им побоев с целью вымогательства у них денег или чего-то другого. Телевидение устраивает шоу по этой тематике, а общество безмолвствует.

Стало обычным делом, когда молодая мама отказывается от своего родившегося ребёнка, а у спившихся родителей дети становятся беспризорными преступниками и малолетними проститутками. Наверное, нечто подобное случалось и у нас, но то, что это было исключение, а не правило, как сегодня я убеждён. Уверен, что меня в этом поддержат мои сверстники. У нас просто не было питательной среды для такого общественного уродства ни в семье, ни в обществе, ни в проводимой государством политике.

Я не хочу огульно винить в этом всю сегодняшнюю молодёжь. Но отговориться русской поговоркой: *«В семье не без урода»* в сложившейся ситуации в этой сфере межличностных отношений, превратившейся в общественную проблему, не получается. Уж слишком деформировались за какие-то два десятка лет современная семья и современное общество, допустившие это уродство.

Было бы не честным не признать, что в немалой степени в этом виноваты и мы, представители старших поколений, включая наших детей не передавшие вековой опыт наших предков и наш опыт в области родственных отношений.

Общество, допустившее эту деградацию, не имеет перспективы нормального развития без восстановления в своей среде уважительного отношения к старикам и заботы о достойном обеспечении их старости.

Особую ответственность несут государственные институты власти, которые не сумели сохранить положительный опыт формирования государственной политики в социальной сфере. Этот опыт обеспечивал социальную защиту населения и достойную жизнь своих граждан, достигших пенсионного возраста. Почему он оказался невостребованным – разговор впереди.

Начало шестидесятых годов нельзя назвать периодом благополучия. В то же время утверждать, что мы ощущали большую нужду, и не позволяли себе жить жизнью свойственной нашему возрасту и духовным потребностям, я не могу. Мы старались жить экономно, но могли себе позволить ходить в театры, на концерты, в клубы на танцы, вращаться в кругу старых и новых друзей и знакомых. Казалось, ни что не угрожало нашему благополучию. Наша информированность о происходящем вокруг нас строго дозировалась на уровне, определяемом действующей политической системой, о чём мы как-то не задумывались, так как были частью этой системы. О тех, кто думал иначе мы или ни чего не знали, или знали то, что нам предписывалось знать, когда системе надо было разыграть очередной политический спектакль. Тогда мы узнавали об очередном «диссиденте», «враге народа» или «предателе интересов советского народа» и дружно публично клеймили их позором.

Мы считали, что установившемся в стране в начале шестидесятых годов порядку, несмотря на съезд КПСС, разоблачивший культ личности Сталина, серьёзно ни что не угрожало, а появившиеся первые ростки демократизации общества, мы воспринимали как приближающееся наступление «светлого будущего».

У правящей элиты была прочная база, крепкие тылы, возвращалась надёжная смена, обеспечивающая преемственность поколений. Этой сменой считались мы, поколения конца тридцатых, начала сороковых годов, воспитанные на большевистской идеологии, слепо преданные внушённым нам с детства идеалам и наказам наших отцов, положивших на алтарь, в том числе и ради торжества этих идеалов, свои жизни.

Несмотря на то, что верхушку пирамиды власти уже стали раздирать противоречия – ржа делала своё неумолимое дело, процессу управления системой ничего не угрожало. Нам молодым всё это было неведомо, и мы со свойственной возрасту энергией, непоколебимой верой в наше исключительное предназначение, готовые к любой борьбе преодолевали все преграды и трудности, возникающие на нашем пути. Решали любые задачи, выдвигаемые перед нами от имени партии и народа. Каждая такая задача становилась подвигом комсомола – организатора советской молодёжи и на его знамени появлялись всё новые высшие награды Родины. Мы тогда не знали, что значительная часть приписываемых комсомолу заслуг принадлежала другой отверженной части общества, чьи свершения осуществлялись подневольно в условиях, не гарантирующих выживание, за скудную пайку хлеба под дулом оружия и оскалом рычащих и натасканных на людей псов. Награды за их свершения получали их начальство, надзиратели и комсомол. Впоследствии мне придётся плотно столкнуться с режимом принуждения на практике, познать его суть и это на многое откроет мне глаза. Но это будет потом, а пока мы пребывали в состоянии счастливой эйфории, радовались каждому приходящему дню, строили планы на будущее. Каждый день приносил нам новые знания и ощущения. Мы всё больше и больше втягивались в окружающую нас жизнь и искали в ней своё место. Под «мы», я подразумеваю не только себя, свою жену, наших друзей, но и наших сверстников и близкие нам по возрасту поколения людей нашей необъятной страны. В то время не было какого-либо внешне заметного размежевания в образе жизни молодых людей моего или близкого ему возраста.

Глава вторая: Путевые заметки

По закону молодым специалистам первый отпуск полагался раньше положенных для всех граждан одиннадцати месяцев отработки, и летом, поэтому ещё не прошло и года после нашего оформления на работу, как нам с женой был предоставлен отпуск. Учитывая и то, что нам необходимо было впервые представиться в семейном качестве перед родственниками на Украине, и что там временно проживал наш сын, руководство предприятия, предоставило нам отпуск в одно время. Это наше первое совместное путешествие было насыщено множеством впечатлений. Одно из наиболее ярких событий, было связано с Москвой, где с нами произошёл забавный случай.

Я впервые, если не считать армии, совершал столь длительное путешествие. В то время путь до Москвы занимал более трёх суток, а до места проживания родных моей жены, шахтёрского посёлка Большое Платово под городом Антрацитом Луганской области УССР, ещё около двух суток.

В Москве в то время проходил какой-то международный форум, на который съехались многочисленные делегации из разных стран. Попав впервые в столицу, мы, конечно, постарались максимально использовать представившуюся возможность познакомиться с её достопримечательностями, и постараться побывать в святынях для советских людей того времени местах, среди которых особое место занимали мавзолей В. И. Ленина и Красная площадь. Мы остановились в Москве, у родственников наших красноярских друзей, с которыми была достигнута предварительная договорённость.

Гости Москвы на красной площади

Первым в нашем плане было посещение мавзолея. Расспросив наших гостеприимных хозяев, мы рано утром отправились в Александровский сад, откуда, как нам объяснили, формировалась группа желающих попасть в мавзолей. В силу своей провинциальности, мы не сориентировались в маршруте, и вместо Александровского сада оказались в Серебряном бору. Осознав свою оплошность, мы поспешили её исправить, но времени явно не хватало. Вход в Александровский сад по предусмотренному регламенту посещения мавзолея был уже закрыт, тем более он до предела был забит желающими, посетить мавзолей. В основном это были делегации участников международного форума, которым была предоставлена возможность осуществить это организовано. Моя предприимчивая натура не могла смириться, казалось бы, с непреодолимым препятствием и я мысленно стал прокручивать в голове разные

варианты преодоления его. Через имеющиеся проходы пройти было невозможно, они были закрыты и снаружи, кругом была охрана. Внутри сада вдоль высокого забора из кованых прутьев через каждые 20—30 метров стояли милиционеры и внимательно следили за порядком.

Москва, Александровский сад, отсюда начинался путь
к мавзолею В. И. Ленина, 1962 год

Несмотря на бесперспективность любого решения, я решил рискнуть, так как мысль о том, что, оказавшись в Москве, ты не посетил мавзолеей человека, почти божества, с чьим именем была связана вся твоя жизнь, была для меня кошунственной.

Я шёпотом поведал жене о своём замысле, который вызвал у неё чувство тревоги за меня, и она стала меня отговаривать от задуманного. Я же решил попытаться осуществить замысел.

Очередь желающих посетить мавзолей В. И. Ленина

Выбрав место, где расстояние между милиционерами, стоявшими за оградой внутри сада, было наибольшим, а толпившиеся там люди находились ближе к ограде, я каким-то чудом преодолел забор и ринулся в массу людей и затерялся там. Мне помогли члены какой-то делегации из Юго-Восточной Азии, может Китая, Вьетнама или Кореи. Они поняли моё намерение и, пропустив меня, весело сомкнулись. Тем самым они помешали пытавшимся меня преследовать милиционерам, что позволило мне скрыться. Осмотревшись, я увидел какое-то объявление, около которого стояло несколько человек и внимательно читало его. Заинтересовавшись, я подошёл к ним и прочёл правила посещения мавзолея, и это навело меня на мысль, как провести в сад жену. Я, осмотревшись, увидел её за забором и стал привлекать её внимание, махая рукой. Когда она меня заметила, я дал ей знак, чтобы она шла к центральному входу в сад, и сам направился туда же. Подождав, когда она подойдёт к воротам, я обратился к старшему по званию сотруднику милиции с просьбой выслушать меня. Я нарисовал ему словесную картину о том, как двое молодожёнов из далёкой Сибири по пути на родину к жене специально остановились в Москве, чтобы посетить мавзолей вождя, о чём они всю жизнь мечтали. Как, проведя бессонную ночь, они приехали в Александровский сад, и там прочитали правила посещения мавзолея, в которых было записано о запрете иметь при себе сумки, фотоаппараты и так далее. Они, будучи из далёкой провинции, не могли знать об этом, а у них с собою была сумка и фотоаппарат. Жена пошла, сдать всё это, как и предлагалось в камеру хранения исторического музея, и в это время закрыли ворота, и прекратили доступ на территорию Александровского сада. И вот я нахожусь в саду, а моя молодая супруга, у которой нет ни кого знакомых в городе, стоит за оградой и не знает, что ей делать. Моё повествование и моя речь видимо

были настолько убедительны, что вызвали у сотрудника желание, помочь нам. Он попросил меня указать, где находится моя жена. Когда я это сделал, он подошёл к ней, взял её под руку и завёл через ворота в сад, тем самым, воссоединив нас. Впоследствии мы с друзьями не раз весело смеялись, когда я вспоминал этот забавный случай.

Конечно, за два дня невозможно *«объять необъятное»*, тем более без предварительно продуманного и спланированного порядка знакомства с достопримечательностями столицы. Поэтому наше первое посещение Москвы в этом плане было малопродуктивно, хотя впечатлений было уйма.

На следующий день мы продолжили своё путешествие, сев на поезд, идущий по маршруту Москва – Ростов на Дону. Ехать нам надо было до станции Дебальцево. На станцию Дебальцево мы прибыли рано утром. Дальше наше путешествие, во всяком случае, для меня это было путешествие, так как на Украине я был впервые, продолжалось на междугороднем автобусе до города Антрацита, откуда местным транспортом мы добрались до шахтёрского посёлка Б. Платова, где проживали мама и родственники моей супруги. Мы не предупреждали о дне своего приезда, поэтому нас никто не встречал, хотя конечно нас ждали, потому что знали, что мы в дороге. Настроение у меня было тревожное, так как я не знал, какое гостеприимство меня ожидает. Я в первой книге писал, что наши родители были не в восторге от нашего решения пожениться, поэтому основания для тревоги у меня были, но моя жена меня всячески успокаивала, убеждая, что всё будет нормально.

Моя тёща встретила меня хоть и сдержано, но доброжелательно. Весть о нашем приезде моментально разнеслась по небольшому рабочему посёлку, где все знали друг друга и многие находились в родственных отношениях. Сначала я познакомился с женской половиной новой родни, так как мужская половина, а в основном это были шахтёры, находилась на работе, или отдыхали после ночной смены.

Работа на шахте осуществлялась в четыре или пять смен, я уже сейчас не помню, поэтому всем собраться в один день не представлялось возможным. Таким образом, представление меня родне шло днём и ночью. Так как это сопровождалось застольем, у шахтёров, как и у сибиряков, это традиция, я вскоре потерял чувство времени и начал путать день с ночью.

Все вместе собрались в воскресенье. К этому времени я уже познакомился с процессом самогонварения, которым в посёлке занимались почти в каждом доме. Даже была своеобразная конкуренция. Чтобы убрать конкурента, и отвести от себя возможное подозрение со стороны правоохранительных органов, нередко соседи *«стучали»* друг на друга этим органам. Так, во всяком случае, мне поясняли мои новые родственники.

Отношения у меня с родственниками жены, на мой взгляд, складывались хорошо. Я до конца жизни буду, благодарен моим новым *«родичам»*, как на Украине принято говорить, за доброе ко мне отношение, я всегда старался платить им тем же. Моя тёща, её сын и дочь – брат и сестра моей жены, её внучка – дочь брата моей жены, дети её сестры, Клавдии Афанасьевны – двоюродные брат и сестра моей жены, не раз гостили у нас. Её двоюродная сестра Татьяна и племянница Людмила, закончили в Красноярске тот же техникум, в котором учились мы. Моя жена, а потом и я в то время уже работали в нём преподавателями. Родные сестра и брат жены некоторое время жили у нас. С мамой моей жены у меня сложились очень добрые отношения, сохранявшиеся до конца её жизни. Я тоже всегда буду хранить добрую память о ней. наших родителей и родственников с обеих сторон также связывали добрые уважительные отношения. Мы семьёй и я отдельно, обычно в связи с командировками навещали родных жены, и нам всегда был оказан тёплый приём и гостеприимство.

Юра, так звали старшего из детей в нашей семье, в то время ещё единственного вначале не выражал особого желания дружить со мной. При моих попытках приласкать его или поиграть с ним он мне заявлял, чтобы я *«тикал»* от него и замахивался на меня. Да и к маме он особенно не тянулся. Он был привязан к бабушке, которая ему с момента его сознательного

восприятия жизни заменила, и мать и отца и всех других и ничего другого ожидать и требовать было бессмысленно. Бабушка тоже к нему была очень привязана и не представляла, как с ним расстанется. Наверное, не только это было причиной её уговоров нас оставить ребёнка ещё на год у неё. Она была умной и дальновидной женщиной и сознавала, что мы ещё ни материально и не морально не были готовы полностью взять на себя ответственность за ребёнка, хотя мы сами этого не сознавали и противились уговорам. Но, в конце концов, она нас убедила, и мы согласились. Ну а пока мы старались завоевать его расположение к нам, уделяя ему много внимания.

Шурф шахты №5, где фашисты казнили молодогвардейцев

Наше поколение и я, в том числе воспитывались на подвигах героев комсомольцев, среди которых особое место занимали молодогвардейцы. Будучи рядом с местом, где они вели борьбу с фашистами, я не мог не посетить город Краснодон и другие места их борьбы. Мы посетили это мемориальное место, побывали у шахты №5, у шурфа в которой фашисты скидывали заживо подпольщиков.

Братская могила захоронения молодогвардейцев г. Ровеньки

Правда, там я к своему удивлению почерпнул информацию, которая внесла некоторое смятение в мои представления о подпольщиках. Местные жители и особенно очевидцы событий, с большой теплотой отзывались о Сергее Тюленине, Любове Шевцовой, об Иване Туркениче и других членах комсомольского подполья, включая Стаховича, который, будучи незаслуженно кем-то, оклеветан в книге Фадеева был назван предателем. Впоследствии истина восторжествовала, и Стаховича был реабилитирован. А вот о руководителе организации, Олеге Кошевом и ряде других мнение было неоднозначным. Я не мог спорить с очевидцами событий, и это противоречие оставило неприятный осадок в моей душе. Мы посетили ряд других знаменательных мест Донбасса и даже совершили с братом жены Борисом путешествие на мотоцикле в Ростов на Дону и в Москву, а с присоединившимся к нам Борисом Ильичём, мужем одной из тёток моей жены, Клавдии Афанасьевны, съездили на Азовское море за рыбой. Но самым впечатляющим и запомнившимся путешествием было путешествие по старой заброшенной штольне с выходом на действующую шахту. Как и было запланировано, в один из выходных дней, встав пораньше, и плотно позавтракав, мы с женой в сопровождении её родственников: – брата, тётки, Клавдии Афанасьевны, много лет отработавшей на шахте взрывником, и её мужа Бориса Ильича, о котором я уже упоминал выше, отправились на шахту. Клавдия Афанасьевна к тому времени уже находилась на шахтёрской пенсии. Шахтёрской, потому что для шахтёров по закону из-за вредных условий труда срок выхода на пенсию по возрасту был меньше чем у других категорий работников. С руководством шахты была достигнута предварительная договорённость. Нас встретили и проводили в раздевалку, где переодеваются шахтёры перед спуском в шахту и после окончания смены. Стирка рабочей одежды шахтёров производилась в прачечной шахты, поэтому у отдельных кабинок стопками лежала выстиранная и выглаженная шахтёрская роба. Нас облачили в такую же одежду, выдали каски снабжённые фонарями и подсумки с аккумуляторными батареями и завели в клеть лифта. Спускались мы долго на глубину около двух километров. Когда спустились вниз, то оказались в обширном подземном помещении, откуда вели проходы различной величины от туннельных размеров, где шла добыча угля комбайнами до небольших штреков, где уголь добывался вручную отбойными молотками и наваливался на ленточные транспортёры, по которым подавался дальше на-гора.

Наши экскурсоводы продумали для нас маршрут, который включал в себя и участки с современной технологией добычи и транспортировки угля и участки, сохранившие старые уходящие к дедовским временам приёмы добычи угля, когда уголь добывался отбойными молотками и кирками и отгружался навалом лопатами на транспортёр или вагонетки. Делалось это с положения, сидя и лёжа. В отдельных местах в основном это в заброшенной штольне нам приходилось пробираться ползком. Подпирающие свод рудничные стойки трещали непонятно от чего, от испытываемой нагрузки под тяжестью двухкилометрового свода, или ветхости. Со свода на нас капала вода, все колени были ободраны. Состояние, которое испытывал я во время этого путешествия, назвать тревожным будет мягко. Во всяком случае, когда мы выбрались наверх, я вздохнул с облегчением и решил для себя, что больше так испытывать судьбу не буду. Ни какие деньги не привлекли бы меня работать в шахте.

Сейчас, когда я узнаю о трагедиях на шахтах, то вспоминаю то путешествие. Я с пониманием отношусь к требованиям шахтёров связанным с низким уровнем оплаты их труда, ну а долговременные задержки выплаты зарплаты ни чего кроме чувства возмущения у меня вызвать не могут. Наша экскурсия закончилась в душевой, где мы долго смывали с себя угольную пыль специальным раствором с использованием каустической соды. Отмывшись и переодевшись, мы покинули шахту, и вернулись домой, где нас ждал обильно накрытый стол с традиционным украинским борщом, разносолом, отваренной свежей картошкой, которая хоть и была как горох, но сдобренная поджаренным свиным салом с луком уплеталась нами после такого путешествия, как говорится *«за милую душу»*.

Отпуск заканчивался, и как бы ни было хорошо в гостях, а домой тянуло. У женщин были заботы, связанные со сборами нас в дорогу, а мы с мужчинами обсуждали просочившиеся до нас слухи о событиях в Новочеркасске и делали свои умозаключения. Правда как всегда была скрыта от народа, и поэтому мы, тогда не зная истинного положения вещей, воспринимали всё так как, нам преподносила власть. Но среди населения ходили слухи и близкие к истине, но мы не готовы были их воспринимать на веру. Осознание происходящего тогда пришло ко мне спустя много лет.

Современные историки так описывают эту трагедию:

«Безграмотные экономические мероприятия правительства привели к ухудшению продовольственного положения в городе и вызвали протест. Конфликт в Новочеркасске закончился вооружённым подавлением выступления рабочих» [5, Стр.297].

Когда я увидел, что и сколько нам приготовили в дорогу, и представил себя с этими непосильными сумками, тюками и чемоданами, то стал категорически отказываться от этих забот, хотя они и шли от чистого сердца. Помимо приданного, которое матери всегда готовят дочерям, выходящим замуж, было собрано множество разных продуктов, включая соленья, компоты, копчёности, всякую стряпню, и так далее. За каждую банку шла настоящая война, в которой мне ничего не светило.

На проводы в первый раз собралась все родичи, и я впервые мог оценить, сколько их много. Нас посадили в машины, которые сопровождал эскорт мотоциклов с вещами в люльках и такой многочисленной кавалькадой мы прибыли в Дебальцево, где нас загрузили в поезд. Часть вещей мы сдали в багаж.

В Москве пришлось нанимать носильщиков на обоих вокзалах, – Павелецком, куда мы прибыли из Украины и – Ярославском, с которого мы отправлялись в Красноярск. Путь между вокзалами мы проделали на такси, и я обратил внимание, что водитель нас несколько раз провёз по одному и тому же месту. Плата тогда бралась по счётчику, а у московских таксистов глаз был намётан на провинциалов. Позже, когда я часто бывал, а потом и несколько лет жил в Москве я много раз ездил по Садовому кольцу и мог оценить расстояние между этими вок-

залами, что подтверждало мои тогдашние подозрения, что «*дурят нашего брата*» провинциала москвичи.

В Красноярске нас встретил мой брат Александр и помог нам добраться с вещами до нашей хоть и барачной, но своей квартирki. Своей, конечно относительно, потому что это была ведомственная жилплощадь, но в, то время, значительная часть горожан всю жизнь жили в таких квартирах, и не редко поколениями. Будучи детьми своего времени, мы живо воспринимали всё происходящее как внутри страны, так и за её пределами. Правда, к собственному анализу и критическим оценкам происходящего мы приучены не были. Такие общественные проявления не приветствуются любой властью, не говоря уже о советской. В то время в СССР инакомыслие и не санкционированная гласность были не только не в чести, но и преследовалось.

Наше возвращение домой совпало с полётом в космос А. Николаева и П. Поповича 11—15 августа 1962 года. Мы, как и вся страна с гордостью за свою Родину восприняли это событие. Тем более это было на фоне разразившегося чуть более месяца назад Карибского кризиса. Советские люди, у которых ещё в памяти была недавно закончившаяся война с фашистами, как и народы всего мира, с тревогой замерли, ожидая, чем закончится противостояние двух сверхдержав. Финал мог оказаться катастрофой для цивилизации.

Советская пропаганда клеймила позором империалистов, готовых развязать атомную войну. В памяти ещё жива была трагедия Хиросимы и Нагасаки, и ни кого не устраивал такой исход. Современный французский историк Н. Верт так оценивал те события:

«Последствия кубинского кризиса были серьёзными. Несмотря на присоединение к социалистическому лагерю нового государства и шумную пропаганду заслуг Советского Союза в сохранении мира, СССР подвергся глубокому унижению и его престиж был сильно подорван» [5, стр.297].

Большой резонанс среди нас вызвало официальное издание повести Солженицына «*Один день Ивана Денисовича*» и до этого она уже широко обсуждалась среди тех, кто её прочитал в рукописном или в примитивно размноженном варианте. Я впервые познакомился с лагерной тематикой, и надо сказать, что эта повесть, написанная, как я считаю человеком, испытавшим все ужасы ГУЛАГа, произвела на меня неизгладимое впечатление, заставив по-новому взглянуть на тот мир, в котором мы жили. Мы, как и окружающие нас люди горячо обсуждали эту повесть и в кругу своей семьи и родственников, и среди близких друзей и сослуживцев. Правда, выводы делались, сдержано, так как в то время было небезопасно чрезмерное откровение, да и мы ещё к нему осознанно не были готовы. Вскоре эта повесть исчезла. Впоследствии мы поняли, что власть, встревоженная растущей в обществе популярностью автора и возможными проявлениями инакомыслия, несовместимого с большевистскими идеологическими установками, организовала против писателя кампанию травли, обвиняя его в антисоветизме и враждебности советскому строю, а номер журнала «*Новый мир*» с этой повестью был изъят из всех публичных библиотек.

Через некоторое время был решён вопрос о предоставлении нашему ребёнку места в детском садике и спустя некоторое время он в сопровождении бабушки приехал в Красноярск и, наконец, наша семья воссоединилась в полный состав.

Глава третья: В новом качестве

Я, как и моя жена, пройдя испытание на пригодность рабочей профессией (слесаря), был переведён на следующий квалификационный уровень. Мне было предложена должность инженера по рационализации и изобретательству производственно-технического отдела, и недолго думая, я согласился занять эту вакансию. Так состоялся мой переход в новое качество, – теперь я относился к категории ИТР (инженерно-технических работников).

Моя работа в ремонтной бригаде была связана с использованием технических знаний. Товарищи по бригаде и в немалой степени начальник ремонтно-механических мастерских Николай Зубрилов, привили мне тягу к техническому творчеству. Этой болезнью я заболел сразу и болел ею все годы своей производственной деятельности. С Николаем Зубриловым, как я отмечал выше, мы были близки по возрасту, нас связывали схожие взгляды на жизнь, поэтому мы подружились. Он был активным и признанным рационализатором и изобретателем, о чём свидетельствовало наличие у него множества удостоверений на рационализаторские предложения, в том числе авторских на изобретения.

Возглавив БРИЗ (бюро по рационализации и изобретательству) комбината, я с увлечением окупился в новую для меня сферу деятельности. Общение с людьми творческого склада ума требовало от меня необходимости постоянного совершенствования своих знаний, приобретения новых навыков. Одного метода самообразования было недостаточно, требовались знания на уровне высшей школы. Назревал вопрос продолжения образования.

Рационализаторы и изобретатели это в большинстве своём высококвалифицированные рабочие или инженерно-технические работники, наделённые от природы способностью к творческому мышлению. Они одержимы желанием, искать и находить новые технические решения, обеспечивающие повышение качественных характеристик продукта производства, замену ручного труда механизированным и автоматизированным. Их творчество направлено на совершенствование технологии и разработку новых более совершенных видов продукции.

Нередко для решения глобальных задач, обеспечивающих повышение экономической эффективности производства, создавались творческие коллективы. Они состояли из рабочих, ИТР, служащих – представителей АУП (административно-управленческий персонал), ну и конечно рационализаторов и изобретателей. Осуществление этих задач предполагалось на основе технического перевооружения производства, замены ручного труда механизмами, совершенствования технологии, или внедрения ряда других мероприятий. К этой работе привлекались специалисты разных направлений деятельности. Поощрение их деятельности осуществлялось премированием из фонда развития на основании полученной экономической эффективности от внедрения мероприятий. Координацию всей этой работы осуществляли, создаваемые на предприятиях бюро по рационализации и изобретательству (БРИЗы) с различным количеством штатных работников.

На Красноярском ЛДК эту работу осуществляло три человека – инженер, техник и технический работник (секретарь-делопроизводитель). Эта деятельность всячески поддерживалась государством на законодательном уровне. Была создана система материального поощрения и защиты прав рационализаторов и изобретателей. В бюджетах всех уровней закладывались нормы финансирования этой деятельности. Были разработаны и законодательно утверждены таблицы поощрения участников этой деятельности в зависимости от размера экономической эффективности. Причём существовало две формы поощрения: до внедрения рационализаторского предложения, изобретения или мероприятия и после внедрения, что позволяло разделить творческий процесс от процесса внедренческого. Это понижало зависимость процесса технического творчества от этапа внедрения, во многом зависящего от администра-

ции и других факторов, не связанных с творческой работой рационализаторов, изобретателей и творческих коллективов. Процессы в какой-то степени связывала материальная зависимость, потому как после внедрения возрастала шкала поощрения. Всё это стимулировало развитие технического творчества и нередко становилось серьёзной прибавкой к бюджету участников этой деятельности. Кроме этого для рационализаторов и изобретателей достигших серьёзных результатов в этой деятельности законодательством предусматривались дополнительные льготы и формы поощрения, включая, например такие, как дополнительная норма жилплощади и ряд других норм.

Это новое для меня направление деятельности оказало значительное влияние на развитие моего кругозора, обогатило меня новыми знаниями и навыками, расширило диапазон восприятия жизни. У меня появился осознанный посыл необходимости продолжения образования. Мы с женой подали документы в институты на вечерние отделения: она в Красноярский филиал «Иркутского института народного хозяйства» на финансово-экономический факультет, я в «Сибирский технологический институт», ныне – университет на факультет механической технологии древесины. Оба успешно сдали вступительные экзамены и были зачислены студентами на первый курс. К сожалению, вскоре один из нас должен был прервать учёбу по семейным обстоятельствам. У нас наметилось прибавление в составе семьи. Я понял, что временно прервать учёбу надо мне, и подал заявление с просьбой о предоставлении мне академического отпуска по семейным обстоятельствам. Моя просьба была удовлетворена, и я прекратил посещать занятия в институте. Надо признать, что дела с учёбой у моей жены складывались успешнее. Общеобразовательная база у неё была покрепче, и это было тоже весомой причиной для такого выбора.

Так получилось, что моё пребывание в новом качестве оказалось не долгим. Неожиданно для меня я, был отстранён от руководства БРИЗом, что не позволило мне в полной мере, проявить свои возможности в этом интересном для меня направлении. Причиной тому, как я сейчас это понимаю, была молодость с её горячностью. Место разумной выдержки заполняло идеологизированное воспитание нравственной стороны жизни, предполагающее *«открытую борьбу за правду»*, нередко она носила пафосный оттенок. Вместо поиска разумного компромисса, проявлялось отсутствие жизненного опыта, неумение просчитывать последствия и оценивать свои возможности. Всё это подогревалось моим продолжающимся участием в работе городского комсомольского оперативного отряда в борьбе с правонарушениями и преступностью. Я не мог мириться с тем, что около авторов рацпредложений и изобретений как грибы вырастали соавторы из числа людей, не имеющих, никакого отношения к творческому техническому процессу. Я со свойственной мне горячностью стал обличать их на технических совещаниях, проводимых у главного инженера комбината, высказывался против включения этих, как я считал, псевдо соавторов в списки на получение вознаграждения, что расширяло круг моих недругов. Приведу в качестве иллюстрации такой пример:

В деревообработке ключевой проблемой является наличие высокого уровня отходов в процессе производства, несмотря на достаточно широкий спектр в направлении использования отходов лесопиления и деревообработки, включающий: – гидролизное, целлюлозно-бумажное и другие химические производства, в которых использовались древесные отходы. Отходы производства также использовались в сушильных камерах для сушки пиломатериалов, в котельных для получения технологического пара, тепла, горячей воды и в ряде других областей. И, тем не менее, процент неиспользованных древесных отходов оставался очень высоким. Поэтому вопросам, повышения эффективности использования отходов в лесопользовании уделялось большое внимание, и поле деятельности для изобретателей и рационализаторов здесь было непаханным. На Западе эти вопросы решались лучше, чем у нас, но в условиях *«железного занавеса»* и различий в экономической политике, в приоритетности подходов и оценок, их опыт у нас не использовался или использовался неэффективно.

Однажды меня пригласил через секретаря к себе главный инженер. Когда я в назначенное время вошёл к нему в кабинет, там было уже несколько человек, которые оживлённо обсуждали что-то. После моего появления хозяин кабинета пригласил всех к стоящему сбоку большому столу. После того как все расселись, он объявил заседание технического совета открытым и в качестве повестки озвучил предложение авторской группы, предлагавшей организацию изготовления из отходов производства нового вида продукции. Авторы предлагали организацию производства фиброцементных плит, используемых в строительстве объектов сельского назначения и некоторых хозяйственных строительных объектов, не несущих тяжёлых нагрузок. Основным наполнителем предлагаемых к производству изделий были отходы лесопиления и деревообработки. Это было очень серьёзное предложение, реализация которого выводила предприятие на более высокий уровень экономической эффективности его деятельности. Решением технического совета был создан временный творческий коллектив – орган призванный осуществить конструкторскую и техническую разработки проекта, расчёты экономических обоснований, учитывающие объёмы затрат на его внедрение. Я как руководитель БРИЗа был назначен техническим секретарём этого коллектива. В мои обязанности вменялось осуществление координации всей работы над проектом на всех этапах его осуществления, и освещение хода работы на очередных заседаниях техсовета. Мне так же вменялись функции подготовки и при необходимости инициирование созыва внеочередных совещаний. Было так же принято решение о включении предложения в план развития предприятия с целью обеспечения его внедрения финансовыми и материальными ресурсами. Меня захватил предложенный проект, и я стал его участником не только по должности. Я занялся конструкторской разработкой одного из узлов агрегата. Мои старания оказались не напрасными, и предложенное мною конструкторское решение было принято техсоветом к внедрению. Сложность заключалось в конструировании кулачкового механизма выталкивания пакета в процессе движения в автоматическом режиме, а вернее в конфигурации самого кулачка. Я со свойственной молодому возрасту самонадеянностью полагал, что решил конструктивно ключевую задачу и неимоверно гордился этим, ожидая достойной оценки своей работы. Когда конструктивная и технологическая часть проекта были решены, на документальном уровне и утверждены техсоветом, мне было поручено произвести предварительные расчёты суммы вознаграждения за проделанную часть работы. Вся сумма по действующему законодательству выплачивалась после внедрения, на основании фактической экономической эффективности, полученной от внедрения. Решение о распределении этой суммы между членами творческого коллектива, участвующими в разработке проекта, принималось техническим советом, в состав которого входили все ведущие специалисты аппарата управления предприятием. Совет дал высокую оценку проделанной работе и принял решение о выплате вознаграждения её участникам. Когда я увидел ведомость на выплату вознаграждения, которая по положению о БРИЗе подписывалась и его руководителем, я был буквально шокирован. Доля вознаграждения руководителей предприятия и его аппарата управления, включая начальников цехов, по сравнению с непосредственными разработчиками проекта была несоизмеримо высока. Все эти лица имели право на поощрение, но после внедрения предложения, в котором все они в той или иной степени должны были участвовать. Но это, по моему глубокому убеждению, не должно было касаться стадии технической разработки, за исключением таких отделов как: – конструкторский отдел, ОГТ (отдел главного технолога) и ОГМ (отдел главного механика), которые участвовали в разработке проекта изначально. Я был возмущён, и в силу молодости и свойств характера не сдержан. Своё отношение я высказал публично, и ответом мне стало отстранение от дальнейшей работы над проектом и перевод на другую работу. Фактически я был лишён не только интересной работы, но и надежд на получение своей доли вознаграждения. Это было первым сильным ударом по тем моральным устоям, которым я следовал с детства под влиянием воспитания в семье и проповедуемых партией идеологических принципов честности, и справедливости, на кото-

рых якобы строятся отношения в советском обществе. Это не могло не способствовать появлению новых ростков сомнения в беспорочности системы, в которой мы жили. Думаю, что я был не одинок в этом. Многие из моих сверстников, я не сомневаюсь в этом, не раз испытывали в своей жизни нечто подобное. Выраженная мною протестная позиция и стала причиной конфликта. От увольнения я был защищён законодательством, которое запрещало увольнение молодых специалистов до истечения, оговоренного в законе срока.

В своей работе я не раз сталкивался со случаями принудительного соавторства в сфере рационализации и изобретательства. Часто это были лица, не имеющие ни какого отношения к техническому творчеству, но от которых зависели сроки внедрения, техническое и материальное обеспечение внедренческого процесса. Законодательство предусматривало поощрение лиц содействующих внедрению новых технологий, новых видов продукции, форм механизации и автоматизации труда. Это широко использовалось представителями администрации, которые, спекулируя на зависимости от них сроков и других показателей, влияющих на процесс реализации тех или иных задач, используя свой административный ресурс, побуждали к включению их соавторами предложений рационализаторов и изобретателей. Эта, как я считал, порочная практика ущемляла права рационализаторов, дискредитировала их труд. Я, как и многие мои сверстники, пришедшие на предприятия и, не обтёсанные ещё практикой жизни, естественно противились всему, что не соответствовало справедливости по нашим о ней представлениям, со всей энергией молодости.

Поиски поддержки у первых лиц в руководстве предприятием, в общественных организациях и, прежде всего в комсомольской и партийной, ожидаемых результатов не давали. Меня сначала терпеливо выслушивали, давали советы, которые противоречили всему, чему меня учили в семье, в школе, в техникуме. Когда я пытался разобраться и найти истину, меня одёргивали. Когда же и это не возымело действия просто, не спрашивая моего согласия, перевели приказом на другую работу. Много позже для меня стало понятно, что в те молодые годы, такие как я, были помехами для тех, к кому мы обращались за помощью. Мы, пытаясь добиться справедливости, не осознавали, что те, у кого мы ищем защиты, сами были частью и питательной средой той обратной, невидимой стороны действующей системы, которую мы с их подачи боготворили.

Система, сформированная на неофициально признанном своде правил поведения и взаимоотношений на разных уровнях жизнедеятельности общества, пронизывала по вертикали все уровни управления, включая государственное. Подарки, подношения в конвертах, организация приёмов и проводов, оказание разных неофициальных услуг за счёт фонда соцкультбыта и других источников были нормой. Многообразие форм различных поборов, позволяли пробивать принятие любых решений на любых уровнях, достигать целей по расхожему принципу — *«цель оправдывает средства»*.

Я специально так подробно описал этот случай, чтобы читатель не питал иллюзий относительно наличия родимых пятен, свойственных всем поколениям. И наше, и предшествующее нам, и последующие поколения не были исключением. Просто надо стремиться, чтобы они не переходили в злокачественные опухоли.

Меня переводом, не спрашивая моего согласия, назначили на должность механика по башенным кранам. К этому типу оборудования я ни когда не имел никакого отношения. Крановщики, слесари-ремонтники, другие рабочие сразу поняли мой непрофессионализм и отсутствие практических навыков, имеющих свою специфику. Как в любом коллективе меня окружали разные по характеру, по уровню воспитанности, по профессиональной пригодности люди. Поэтому и отношение ко мне установилось разное. Одни меня, как говорится, в упор не хотели замечать, другие сочувственно показывали сопереживание, третьи помогали, заботясь, наверное, не так обо мне как о деле. Это было трудное для меня испытание, выход из которого определял моё будущее, хотя я этого ещё тогда в полной мере не осознавал. Не выдержав,

и сломаюсь я тогда, и неизвестно, как сложился бы мой дальнейший путь. Видимо какие-то стержни Богом, природой или предками, что, в общем-то, одно и то же, во мне были заложены. Я не сломался и сделал всё возможное, чтобы разобраться в новом для себя деле, следствием чего стало появление уверенности в принимаемых решениях и их обоснованность. Видя это, часть пренебрежительно относящихся ко мне работников, как говорится *«зауважало»* меня.

Впоследствии, я часто задавал себе вопрос: в чём заключалась причина нестабильности моей и многих моих сверстников жизнедеятельности? Следствием этой нестабильности были частые перемены мест работы, многообразие возникающих проблем, в большинстве завершающихся осложнениями в отношениях с руководством и, обычно поддерживающими его представителями общественных организаций. Не редко эти осложнения переходили в конфликты, сопровождающиеся внутренними противоречиями и ощущением какой-то внутренней жизненной дискомфортности. Мучительный поиск причин возникновения этих ситуаций приводит меня к заключению, что эти причины были следствием противоречий между заложенной в нас генетической базой предков в совокупности с воспитанием нас на идеологии, внушаемой нам основоположниками коммунизма и практикой реальной жизни. Предлагаемый нам кодекс чести, которому мы неукоснительно должны были следовать, усилиями проводников этой идеологии, определяющими на практике жизнь советского общества, а значит и нашу жизнь, как его членов, диаметрально противоречил условиям реальной жизни. Вызванная необходимость выбора в многообразии противоречий своего места определяло нашу жизненную позицию, влияло на принимаемые нами решения и наши поступки, наше поведение и отношение к окружающему нас миру.

Нам и последующим поколениям советского периода предписывалось соответствовать принятому XXII съездом КПСС по инициативе Н. С. Хрущёва *«Моральному кодексу строителя коммунизма»*, и что покажется многим современным молодым людям удивительным, мы искренне к этому стремились. Ниже я привожу этот свод правил.

Моральный кодекс строителя коммунизма

1. *Преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма;*
2. *Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест;*
3. *Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния;*
4. *Высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов;*
5. *Коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного;*
6. *Гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку друг, товарищ и брат;*
7. *Честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни;*
8. *Взаимное уважение в семье забота о воспитании детей;*
9. *Непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству;*
10. *Дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни;*
11. *Нетерпимость к врагам коммунизма, дела мира и свободы народов;*
12. *Братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.*

За исключением 11 и 12 пунктов всё это можно найти в библейских заветах, всё это соответствовало выработанным человечеством нормам общественной морали. Поэтому для

нормального человека эти правила, кроме положительной оценки, никакой другой реакции вызвать не могли.

Сейчас с позиции приобретённого опыта, когда я прошёл путь от рабочего до руководителя разных уровней, я, наверное, повёл бы себя по-другому. Наверное, был бы проще и терпимее относился к происходящему, не создавая себе и окружающим *«лишних»* проблем.

Молодости не свойственны смирения и компромиссы, и я не был исключением. Поэтому работа в условиях необходимости сосуществование со средой, которая не вызывала у меня доверия, обязанность контактировать и подчиняться руководителям, отягощённым низменными пороками, при отсутствии альтернативы быть с ними связанным круговой порукой, были для меня несовместимы. Я стал искать другую работу, считая, что мне просто не повезло, что среда, в которой я оказался явление случайное, что в другом месте всё будет по-другому.

Практика дальнейшей моей жизнедеятельности последовательно освобождала меня от многих иллюзий, которыми мы были наполнены. И всё же многое из того советского периода жизни моего поколения заслуживает положительной оценки и, к сожалению, не воспроизводится сегодня, хотя значительной частью населения страны не может быть не востребовано.

Например, понятие безработица, воспринималось нами, как что-то свойственное капиталистическому образу жизни, где господствует эксплуатация рабочих капиталистами, которые могут делать с неугодными им работниками всё что угодно, вплоть до лишения их работы, а, следовательно, и средств к существованию. Сегодня я знаю, что и тогда была скрытая безработица, но она была несоизмерима с той ситуацией на рынке труда, которая существует сегодня в России. И тогда неугодные работники были не застрахованы от произвола администрации, но администрация десять раз отмеривала, прежде чем принять решение по каждому конкретному случаю, так как действовала процедура защиты прав человека в сфере трудовой деятельности и это была политика партии, а, следовательно, и власти. Притесняемый работник мог обратиться с жалобой в профсоюзную организацию, в партийные комитеты разных уровней, в органы советской власти и мог рассчитывать на помощь. Сегодня работники практически беззащитны перед административным произволом, особенно в частном секторе. Я не подвергаю сравнению притеснения по политическим мотивам, сегодня ситуация с политическими правами человека обстоит на мой взгляд несколько демократичнее, но это не означает, что все проблемы сняты.

Другим положительным примером советского периода в жизни нашей страны было отношение власти и общества к молодёжи и пожилым людям. Песня со словами – *«Молодым везде у нас дорога, Старикам везде у нас почёт»*, которую с задором и искренне распевало моё поколение, не была идеологической прокладкой или лозунгом. Это было практикой жизни, хотя за реализацией этой практики в жизнь неустанно следили партийные органы. Осуществление молодёжной политики было важнейшей государственной задачей. Я неоднократно заострял внимание читателя на это ранее, и подчёркиваю это вновь, потому как отсутствие молодёжной политики сегодня уже обернулось для страны и общества невосполнимой потерей, но осознание этого, судя складывающейся сегодня ситуации, к сожалению ещё не произошло и это очень тревожный симптом.

Воспитание молодого поколения было важнейшей государственной задачей. Это было одним из приоритетных направлений идеологической работы КПСС² и её верного помощника – ВЛКСМ.³ Трудно не согласиться с привлекательностью такой социально направленной политики, и в том, что она не могла не иметь адекватную ответную реакцию со стороны молодых людей и основной массы населения в целом. Дети с раннего возраста ощущали заботу о себе государства и общественности и отвечали на эту заботу преданностью и верностью.

---

² Коммунистическая партия Советского Союза

³ Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи

И как бы ни пытались, сегодня принизить значение проводимой политики в сфере воспитания молодого поколения утверждениями о большевистской идеологической подоплеке этой политики, нынешние политические организации ничего пока лучшего предложить не могут.

История учит, что будущее любого общества зависит от воспроизводимого им поколения. Поэтому забота о здоровье, нравственном развитии, уровне образования, воспитании гражданственности, формировании ответственности у своих поколений должны быть основной задачей каждой семьи, общества, государства. Всё остальное вторично. Сегодня мы пожинаем плоды забвения этого постулата, но об этом мы поговорим в следующей книге.

Не лучше обстоит дело и с положением пожилых людей, которые стали заложниками перестроечного периода. Они действиями власти оказались лишены не только своих сбережений, но и достойного пенсионного обеспечения, которое как я упоминал выше, не только позволяло ранее им вести нормальную жизнь в старости, но ещё и помогать своим детям и внукам. Сегодня, когда я вспоминаю в 90-е годы стариков у помоек, извлекающих отходы пищи и выброшенные старые вещи, или просящих милостыню пожилых интеллигентных людей, или выброшенных обманом из своих квартир пенсионеров, превратившихся в *«бомжей»*, я вспоминаю своих маму и бабушек и других окружавших меня людей их возраста. Я благодарю судьбу, что им несмотря на войны и лишения не пришлось испытывать такого унижительного состояния, которое испытывают сегодня их соотечественники, достигших преклонного возраста. В период развития наших общественно-личностных качеств, нормы, определяющие и регулирующие это развитие, казались нам незыблемыми. Идеология, на которой мы воспитывались и воспитывали наших детей, представлялась нам самой гуманной и справедливой. Будущее, которое мы строили по наказам наших отцов, погибших на войне, под *«славным»* руководством КПСС, возглавляемой *«великими вождями»*, как нас убеждали, и мы искренне верили этому, должно было быть самым светлым и счастливым. Противоречия, возникающие между нашими представлениями и практикой ещё начинающейся самостоятельной жизни, многими из нас воспринимались, так как нам и объясняли наши идолы от большевиков. Мы их объясняли враждебным проявлением со стороны *«врагов народа и их сподвижников»*, или отдельных нерадивых управленцев, которых необходимо выявлять, обличать, подвергать критике, наказывать и всё встанет на свои места. Я, будучи не удовлетворённым реакцией на свой, как мне казалось, мужественный, обличающий непорядочность отдельных руководителей поступок, с чувством выполненного гражданского долга решил, как я уже упоминал выше, покинуть этот коллектив. Я не усомнился в своей правоте, даже не получив ожидаемой поддержки в своей борьбе за справедливость. Было бы неверным считать, что это мне далось легко. Меня много хорошего связывало с этим предприятием. Это и интересная практическая работа, и доброе отношение ко мне многих людей, включая товарищей по работе в ремонтной бригаде, рационализаторов, понимавших мои мотивы в конфликте с администрацией, приобретённых новых друзей, и товарищей, в том числе и из числа ИТР и руководителей производственных подразделений. Особое место занимает в моей памяти о том времени участие в работе комсомольской организации и художественной самодеятельности. Последним увлечением я болел на протяжении многих лет моей жизни. У предприятия было два клуба, в которых помимо проведения политических и общественных мероприятий, показа кинофильмов, работали различные кружки художественной самодеятельности и прикладного искусства.

Получив хорошую хореографическую подготовку в техникуме, я создал танцевальный коллектив, и возглавил его работу.

Моё выступление в концерте художественной
самодетельности ЛДК, 1962 год

Кроме этого, обладая приличным репертуаром произведений, читаемых мною в прошлом со сцены я продолжил своё художественное творчество и в этой сфере. Заметив, что я обладаю приличной дикцией и голосовыми данными, меня использовали и в качестве конферансье, или как теперь принято говорить – ведущего программы. Мне на всю жизнь запомнилась эти незабываемые праздничные ощущения от зрительской оценки твоего творческого труда, концертные поездки и выступления в разных творческих коллективах и участие в смотрах художественной самодетельности.

Вот и сейчас, работая над этой книгой, я, перебирая свой архив, вспоминаю то время, смотрю на награды тех лет, и у меня невольно перед глазами встают как живые, картины минувшего. Эти воспоминания навевают грусть о невозвратности былого.

Глава четвёртая: Новые испытания

Ну, а в описываемый мною период жизни от *«млетворного»* влияния Запада, схожего с тем, что имеет место быть сегодня, нас надёжно укрывал *«железный занавес»*. Работы на рынке труда предлагалось много, было из чего и что выбирать. Любое предложение гарантировало оплату труда, обеспечивающую прожиточный уровень молодой семьи, а не одного человека, как это принято подсчитывать сегодня. Это предполагало нормальное питание семьи из двух-трёх человек при одном кормильце, возможность скромно одеваться, иметь иногда возможность посещать зрелищные учреждения, а при двух работающих ездить в отпуск отдыхать, немного помогать родителям и самим обустроить свой быт и делать не дорогие подарки близким. Поэтому мы были уверены в стабильности своего материального положения. Мы так же не сомневались в социальной защищённости своего потомства, гарантируемого конституционными нормами и действующими институтами власти, обеспечивающей бесплатные медицинские услуги, бесплатное образование и содержание детей в дошкольных учреждениях.

Ознакомившись с предложениями на рынке труда, я выбрал для себя работу в новой сфере деятельности, и устроился на должность инженера отдела оборудования Стройснаба Главкрасноярскстроя. Это было самое крупное в крае и одно из крупнейших строительных объединений в СССР, объединяющее не только крупнейшие строительные тресты и управления, но и предприятия стройиндустрии, строймеханизации, и крупнейшие базы комплектации и материально-технического обеспечения стройиндустрии. Именно Главкрасноярскстрой был призван обеспечить реализацию задач выдвинутых партией и правительством по вводу в строй гигантских проектов. К ним относилось строительство Красноярской ГЭС, в то время самой крупной гидроэлектростанции в мире, Ачинского глинозёмного комбината, Красноярского алюминиевого завода, возведение Байкало-Амурской магистрали (БАМ), крупнейших заводов-гигантов, объектов жилищного строительства, и ряда других объектов социального и культурного назначения. Многие из перечисленных объектов были объявлены *«Всесоюзными ударными комсомольскими стройками»*. В нас, я имею в виду своё поколение, жила романтика подвигов наших предков, первых комсомольцев – строителей Магнитки, Днепрогэса, Волго-Донского канала, Комсомольска на Амуре, мы тогда не знали, что эти объекты возводила и другая категория нашего общества. Мы, и я в том числе, тоже хотели совершить что-то значительное, оставить след своего поколения в истории своей страны. Это было одним из определяющих мотивов для меня выбора места работы. Как я уже отмечал выше, Главкрасноярскстрой курировал важнейшие стройки Восточной Сибири. Для меня это была новая область деятельности во всех отношениях. Во-первых, я не был знаком со спецификой строительной индустрии, а это целая отрасль со всем своим многообразием, во-вторых, мне ранее не приходилось сталкиваться с материально-техническим снабжением даже в рамках маленького подразделения, а тут огромное многоотраслевое объединение, по нынешним понятиям своего рода – холдинг. Всё это было для меня тайной за семью печатями и конечно на душе было тревожно. В то же время именно новизна и желание приобрести новый опыт превалировали над страхами в принятии решения.

Структурно аппарат главка состоял из специализированных управлений, которые в свою очередь имели свои структурные подразделения, где первичным элементом был отдел. Вот в отдел оборудования конторы *«Стройснаб»*, Управления материально-технического снабжения Главкрасноярскстроя я и был принят на должность инженера. Нас в отделе было семь человек, каждый вёл определённую группу оборудования. Так, как я имел образование техника-механика деревообрабатывающего оборудования и имел практический опыт работы механика, меня *«посадили»* на группу деревообрабатывающего и металлорежущего оборудо-

вания, которую вследствие большой номенклатуры вели два инженера. Мне повезло с напарником. Владимир Иванович, так звали моего напарника, к сожалению фамилии, не помню, был мужчиной предпенсионного возраста, имеющим огромный опыт в этой сфере деятельности. Будучи внимательным и очень добрым человеком с открытой душой, он доброжелательно встретил молодого ещё, ничего не сведущего в этом сложном деле напарника. А какой из меня ещё был напарник, больше обуза. На начальном этапе ему пришлось выполнять функции моего наставника, и пока я учился, ему приходилось работать за двоих. Я, конечно, старался поскорее освоить новую работу, но это оказалась далеко не так просто. Освоение технологии планирования и распределения основных производственных и материальных фондов в системе Госснаба оказалась для меня камнем преткновения. Конечно, нашими основными клиентами были работники отделов и управлений материально-технического снабжения предприятий и организаций, входящих в систему главка или их руководители, но нередко к нам заглядывали и начальники участков, управлений, трестов. От нашей работы не в малой степени зависел успех в работе этих организаций и благополучие их коллективов.

Обычно все они старались с работниками, к которым они приходили вести себя доверительно, не портить отношений. Нередко преподносили на первый взгляд невинные презенты, например цветы или духи для женщин, бутылочка коньяка для мужчин. Иногда передавались какие-то свёртки открыто. Иногда отдельные работники выходили с клиентом из отдела и возвращались со свёртками. Я тогда не придавал этому особого внимания, так как считал это проявлением искренней благодарности за работу своих товарищей. Это потом я стал понимать, что это «благодарность», за конкретную услугу, нередко в ущерб или за счёт другой организации. И все равно у меня осталась добрая память о том коротком времени, общения с этими людьми. Ко мне все относились хорошо, делились своим опытом, оказывали практическую помощь, когда я что-то не понимал или не знал. Я не так быстро, как хотелось, но всё же вникал в новое дело, и мне стали доверять некоторую самостоятельную работу. Сначала это было систематизация заявок по группам в журналах, затем разноска выделенных главку фондов и заполнение картотеки в соответствии с заявками с заполнением специальной документации и разноской в рабочие журналы. Меня, конечно, проверяли и поправляли там, где я ошибался, но постепенно я входил в курс дела.

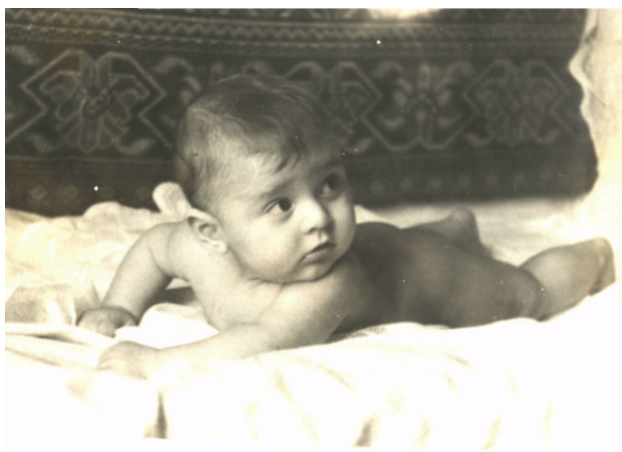
В силу общительности характера я быстро познакомился с другими работниками конторы, а затем и управления и обрёл новых друзей. Встав на комсомольский учёт, я сначала выполнял отдельные поручения, а потом по рекомендации комсомольской организации управления был избран членом комитета комсомола главка. Конечно новое для меня дело, в силу особой специфики, с которой мне не приходилось ранее сталкиваться, вызывало у меня тревогу за свои способности справиться с этим поручением. Меня окружали опытные в своём деле профессионалы, но их отношение ко мне как к новичку было благожелательным и равноправным, исключаяющим появление комплекса неполноценности.

Шел 1963 год, мы ждали прибавления в семье, к осени у нас должен был появиться наш совместный ребёнок, вся жизнь была наполнена этим ожиданием и заботами, связанными с этим событием. Этим жили не только мы с женой, но и наши родители и родные, особенно мои, потому что это предвещало им переход в новое качество. Они в отличие от моей тёщи и других родственников моей жены впервые становились бабушками, дядями, тётями и так далее. У тёщи жили внучка, дочь брата моей же жены, живущего с матерью и внук Юра, наш сын, а у нас это всё было вновь.

Наш сын Юра на детской площадке в парке, в период жизни у бабушки в Украине, 1963 год

Приобретались необходимые для такого случая вещи и предметы, по всяким приметам и признакам строились предположения о том, кто родится – мальчик или девочка. Почему-то большее подтверждение получало предположение о мальчике. Мы с женой желали тоже мальчика, и наши ожидания оправдались, 13 сентября 1963 года на свет появился один из продолжателей родословной Зориных, наш сын Константин.

У нас родился второй сын, которого мы назвали в память моего отца Константином, 1963 год

До его появления у нас второго сына моя супруга была несколько раз беременна. Один раз родившийся ребёнок и тоже мальчик умер, прожив всего несколько часов из-за гемофилии, причиной наличия которой я считаю себя. Было ещё неудачи, но, слава Богу – он и жена подарили нам ещё одного сына. Всё прошло благополучно и мама, и ребёнок чувствовали себя удовлетворительно. Я, конечно, ощущал себя счастливейшим из отцов, но к осознанному отцовству, требующему проявления не только отцовских чувств, но и несения родительских не связанных с материальной стороной обязанностей, я ещё не был готов. Это я уже осознал через несколько лет, когда может быть запоздало, но обрёл необходимый жизненный опыт. Мы

ведь дети войны хоть и выросли быстрее более поздних сверстников, но в чём-то и отставали от них, детей развивающихся в нормальных условиях.

Один из моих современников, который помогал мне в корректировании и редактировании рукописи этой книги, считал что подобные, как он выразился «откровения» неинтересны читателю и могут вызвать неприятные чувства у моей бывшей жены. Может он и прав. И всё же я в своей работе над жизнеописанием своего поколения на своём примере стремлюсь обратить внимание молодёжи, вступающей в самостоятельную жизнь, на возможность проявления в ней различных неожиданных, в том числе, и неприятных обстоятельств. С тем чтобы они, столкнувшись с ними, могли быть к ним готовы и, веря в счастливое их завершение, готовы были преодолевать эти трудности.

Возможно, на мою работу оказывают влияние моя многолетняя педагогическая и воспитательная практика и жизненный опыт. Возможно, этим вызваны мои, как покажется отдельным читателям «ненужные излишества» но я, будучи привержен принципу: что если опыт жизни моего поколения, хоть кому-то окажется, полезным, стараюсь рассказать о нём. Вся наша семья, включая наших родителей, искренне радовались появлению на свет нового члена семьи, но самым счастливым человеком была моя жена. Хотя она скрывала свои мысли, но всем окружающим было понятно её неумное желание как можно быстрее родить ребёнка, даже когда роды угрожали её здоровью. Она стремилась укрепить семью, и все к этому относились с пониманием и сочувствием, о чём я уже упоминал выше.

Моя жена хотела назвать сына Димой, в память об умершем до этого после родов ребёнке, которого тоже тогда называли Димой в честь моего деда, революционера-большевика, о котором я писал в первой книге.

Это, как про себя считала моя жена, должно было укрепить нашу семейную базу. То, что она именно к этому страстно стремится, не для кого из окружающих не было секретом. Это было её право, и все относились к этому с уважением и пониманием. Так как мы ещё раньше условились, что если будет мальчик, то право на имя получаю я, а если девочка, то имя ей будет давать семейный совет, то ни у кого не вызвало удивления имя Костя, которым мы называли ребёнка. Память о погибшем на фронте отце была для меня и моего брата священна. Я думаю, что это свойственно всем нашим сверстникам, потерявшим в войне своих родных и близких. Именно в наших детях как бы возрождались погибшие в Отечественной войне наши родные, кому не суждено было стать для них дедами, бабушками и другими положенными в этих случаях родственниками. Как многие утверждали, мальчик уродился в Зориных, и мне очень хотелось в это верить. Это был черноглазый с чёрными волосами смуглый бутуз с ямочками на щеках и двумя точками на складке подбородка свойственными его отцу и деду, которому не суждено было его узнать.

Конечно, появление нашего совместного ребёнка наполнило нашу жизнь новым содержанием, новыми заботами, новыми планами. Я вообще не имел опыта обращения с грудным ребёнком, а у моей жены он был очень ограничен. Дело в том, что выхаживанием её первенца занималась бабушка, её мама, к которой он был привезён с трехмесячного возраста и через два месяца оставленном у неё дочерью, так как молодой маме надо было заканчивать учёбу в техникуме. Студенческие общежития не были приспособлены для проживания одиноких мам с детьми, тем более с грудными детьми. Мы тогда ещё не были с нею близко знакомыми, и о нашем союзе даже не мыслилось, хотя это было не за горами, где-то около года, но в то время каждый жил своей жизнью.

На тот период моя мама работала, и в полной мере помогать нам в уходе за ребёнком не могла. Поэтому для решения этой проблемы жене надо было или идти в отпуск без содержания на работе и в академический отпуск в институте, или брать на первых порах няню, а потом отдавать ребёнка в заводские ясли. Мы склонились ко второму варианту и наняли няню, которая поселилась у нас, и нас уже стало четверо.

Гордая бабушка, наша с братом мама со своими внуками Юрой и Костей. 1964 г.

Юра, старший сын, оставался пока у бабушки на Украине, и взять мы его смогли только на следующий год, когда он достиг детсадовского возраста. Через год, получив место в яслях, которые располагались в двухэтажном деревянном доме, напротив нашего барака, мы расстались с няней. Этому способствовал один случай. Как-то забежав, домой среди рабочего дня, когда меня обычно не ждали, я стал свидетелем действия выразившегося в вылизывании няней лица нашего ребёнка языком. Язык её мне показался невообразимо большим, а личико сына маленьким. Я в бешенстве выхватил ребёнка из её рук и потребовал объяснения её действий. Она стала плакать и жаловаться, что ребёнок очень беспокойный, что мы приучили его к рукам, и у неё нет сил, целый день качать его на руках и что это народное средство, успокаивающее действующее на детей грудного возраста. Меня это несколько смутило, но не сняло настороженности, и я стал пристальней приглядываться за действиями няни. Я привёл этот пример, чтобы показать читателю бытующие в наше время приёмы ухода за новорождёнными детьми. Няня была преклонного возраста малограмотная деревенская женщина, старость которой была социально мало обеспеченной, что было для одиноких людей, проживающих в сельской местности, уже не способных вести своё хозяйство для того времени явлением не редким. В общем-то, особых претензий у нас к ней не могло быть. Она как могла, старалась, но видимо отсутствие собственных детей и преклонный возраст, а уход за детьми это тяжёлый труд, вынуждали её применять некоторые хитрости, которые не могли устроить нас. Например, я стал замечать, что она, чтобы успокоить ребёнка начинала сильно качать коляску и буквально укачивала ребёнка. Глаза у него закатывались, и он не то что засыпал, а создавалось впечатление, впадал в состояние беспамятства. Причём это состояние было кратковременным, и он вскоре опять начинал вести себя беспокойно, а она опять начинала его *«убалтывать»*. Всё это ускорило наше расставание. Считаю необходимым отметить, что и сегодня можно наблюдать подобную описанной мною выше картину, когда молодые мамы трясут, а не укачивают своих новорождённых детей. Хочется им напомнить, что это чревато серьёзными неприятными последствиями для здоровья ребёнка. Поэтому я и счёл необходимым привести пример из своей жизни.

Вскоре вся наша семья восстановилась, бабушка привезла нам Юру и некоторое время пожила у нас, чтобы он привык к родителям, которых он фактически обретал заново. Нам тоже необходимо было привыкнуть к ребёнку, к приобретённым им привычкам и образу жизни, отличном от нашего. Необходимо было притираться, приспосабливаться к нему, заинтересовать и привлечь его к себе, сделаться для него необходимыми. Я чувствовал особую ответственность, и старался из всех сил, понравиться ребёнку, и не дай бог допустить что-нибудь не соответствующее принятым на себя родительским обязанностям. Может быть, надо было быть проще, и не выделять в своём отношении детей, но тогда я об этом не задумывался, осознание этого пришло позже.

Весна следующего года оказалась бурной. Воды Енисея вышли из берегов, и наши бараки затопило. Благодаря проводимой тогда жилищной реформе, инициатором которой был Н. С. Хрущёв, мы получили благоустроенную квартиру. Это была трёхкомнатная квартира, общей площадью 44,5 квадратных метров. Об этом можно было только мечтать, и мы ощущали себя счастливейшими из людей. Детям была выделена отдельная комната. Мы с женой тоже обрели свою спальню, ну и появилось понятие «зала».

Тем временем я старался найти себя в непривычном мне деле. Всё усугублялось тем, что я не ощущал интереса к этой деятельности, и поэтому все мои усилия походили на *«тыканье слепого котёнка»*, лишённого к тому же и чутья. Это объясняло то, что, несмотря на дружелюбные отношения с коллегами, на сложившуюся в коллективе атмосферу взаимовыручки, где неудачи и промахи одного воспринимались, как неудача всех, что заставляло более ответственно, относиться к работе, чтобы не подводить товарищей, я чувствовал себя, ущербно понимая свою ограниченность в практике этой деятельности. И всё всё-таки постоянное общение с руководителями или представителями руководства строящихся, или действующих промышленных объектов края, ощущение своего соучастия в разрешении возникающих проблем, атмосфера необходимости действия, принятия нужного решения, конечно, обогащали мой жизненный опыт, расширяли мой кругозор и диапазон мироощущения. Одна ко мне пришлось столкнуться и с негативной стороной чиновничьей морали.

Фая, жена брата с племянником Костей.
Скоро у них появится свой ребёнок

Готовилась стать матерью жена моего брата Александра, Фаина и вся наша семья так же с нетерпением ждала нового пополнения. Ну а пока всё внимание доставалось нашим детям. Об этом свидетельствуют приводимые снимки.

Я не раз был свидетелем, как часть фондов предназначенных по утвержденному плану распределения для одних организаций не всегда оправдано переадресовывались другим.

Принципы *«мохнатой лапы»*, *«не подмажешь, не получишь»*, различного рода *«благодарностей и поощрений»* были и в то время не чужды отдельным работникам и руководителям подразделений Главка. Наблюдая это, я ощущал определённый дискомфорт. Меня больше всего поражала открытость, граничащая с закономерностью этого явления в деятельности организации и отдельных её работников. Мои попытки найти этому оправдание с позиции *«морального*

кодекса строителя коммунизма», вызывали у коллег в лучшем случае недоумение или снисходительную улыбку, обычно адресуемую несмышлёнышу, который не созрел до понимания элементарных понятий в человеческих отношениях. Чем дальше я вникал в эту сферу с позиции выше обозначенных принципов, тем сложнее становились мои взаимоотношения с коллегами. Меня это угнетало и вызывало чувство горечи и сомнений. Я с искренним дружелюбием относился к товарищам по работе и осознание того, что я могу стать инородным телом в их среде, и быть отвергнутым ими мучило меня.

Мне не очень нравилось походить на некоего литературного героя в образе благородного рыцаря, в одиночку, сражавшегося с ветряными мельницами. Мне бы так же не хотелось, чтобы у читателя сложилось обо мне мнение, как о некоем моралисте, оказавшемся в единственном числе в аморальной среде и ведущим с ней беспощадную борьбу, в надежде всё исправить. Конечно, рядом со мной и в обществе было множество людей, которые, столкнувшись с наличием противоречий между реалиями жизни и провозглашаемыми нравственными устоями, воспринимали происходящее и относились к нему примерно, так же как и я.

Мы с женой и наши дети в окружении довольных бабушек. Крайняя – слева сидит тёща моего брата, или мама его жены Фаи, приехавшая к ним в гости

Мы не были готовы тогда к глубокому анализу и осмыслению этих явлений, так как считали их *«родимыми пятнами»* враждебного нам *«лагеря капитализма»* поэтому наши возможности изменить что-то могли проявляться только в форме критики. Любая другая форма, вызвала бы жёсткую немедленную реакцию со стороны большевистской власти.

Перед построением на демонстрацию в честь 46-й годовщины Октябрьской Революции. Я перед портретом, рядом со мною справа Начальник Управления Рудь П. И., далее начальник конторы «Стройснаб», слева с ребёнком мой коллега по отделу, впереди с плакатом комсомольский вожак. 1963г.

Это подтверждается многими имеющими тогда место и сегодня известными фактами протестов отдельных представителей общества, являющихся сторонниками его демократического преобразования, людей с высокой степенью гражданского самосознания и ответственности, которых власть называла «диссидентами» и подвергала жесточайшим репрессиям.

Для сравнения с сегодняшними возможностями большинства россиян хочу привести пример, который можно смело отнести к большинству населения представляющего моё поколение.

Я в кругу отдыхающих санатория «Дарасун» в Читинской области во время прогулки в «Долину любви». 8 марта 1964 года

У меня, как и у многих моих сверстников, перенесших тяжести жизни военного и первые годы послевоенного периода иногда возникали проблемы со здоровьем. Я страдал язвенной болезнью желудка и находился на диспансерном учёте у участкового врача. Мне дважды в год, весной и осенью проводили обследование, при необходимости проводили стационарное лечение в больнице и нередко направляли на санаторно-курортное лечение в специализированные санатории страны. Иногда, если это совпадало с отпуском жены, мы ездили, вместе, при этом она размещалась на жительство в частном секторе, и мы брали ей курсовку на лечение или оздоровливание, а когда отпуск не совпадал я ездил один. Детей мы обычно оставляли у бабушки, мамы супруги в Украине, там им было больше раздолья.

Когда я ездил один, это вносило в наши с супругой отношение некоторый дискомфорт, который мы внешне старались не проявлять, но как мне казалось, внутренне он присутствовал. Жена при этом в форме шутки замечала фразу из одного расхожего тогда анекдота: – «ничего

на том свете посмотрим, кто будет вентилятором». Мы почти ежегодно ездили в отпуск лечиться или отдыхать. А могут ли себе сегодня позволить граждане России с их доходами, я уж не говорю о пенсионерах.

Формы деятельности в сфере снабжения и сбыта имеют свои особенности, складывающиеся на протяжении очень длительного периода и передающиеся из поколения в поколение независимо от политических формаций. На основании этих особенностей выстроились определённые отношения между участниками этой деятельности, так называемые *«негласные правила игры»*. Эти правила, несмотря на нередкую нестыковку с утверждаемыми моральными нормами, а иногда и с законодательством, устраивали руководство организаций, предприятий, и отраслей, так как обеспечивали не только их функционирование, но и функционирование самой действующей государственной политической системы. Надо признать, эту деятельность отличал свой шарм, требующий определённого уровня профессионализма, овладеть которым, дано не каждому. С этим надо родиться, это надо иметь в крови. Мне однажды пришлось убедиться в этом.

Руководство управления, заметив мою коммуникабельность и способность контактировать на любом уровне системы главка, решило испытать меня на самом тяжёлом направлении снабженческой деятельности – выбивании выделенных плановых фондов от поставщиков. Меня пригласил к себе начальник Управления снабжения и сбыта Главкрасноярскстроя Рабинер, талантливый работник в этой сфере деятельности государственного уровня. Даже потом, много лет спустя находясь в преклонном возрасте и будучи очень больным, потерявшим зрение человеком, он не отказывал в консультации и помощи организациям различного даже самого высокого уровня и отдельным лицам. Мне льстило оказанное доверие со стороны руководства, и я горел желанием оправдать его. Передо мной была поставлена задача произвести отгрузку труб с Первоуральского и Челябинского трубных заводов. Собрав необходимые документы и выслушав напутствия опытных товарищей, я отправился в командировку с уверенностью, что решу поставленную задачу. Прибыв в Первоуральск, я после размещения в гостинице, отправился на один из гигантов металлургической промышленности, производивший необходимые нам трубы. Размеры предприятия были впечатляющи. Часть служб заводоуправления, чья деятельность была связана с внешней клиентурой, в том числе и отдел, сбыта, куда я направлялся, была размещена в здании находящемся за территорией завода. Около отдела и в нём толпилось много командировочного народа, прибывшего на завод с теми же, что и у меня целями. Наскоком мне прорваться в отдел не удалось, поэтому я вынужден был занять очередь, порядок движения которой мне сразу понять было не дано. Кого-то приглашали работники отдела, к кому-то они сами выходили, на это уходило не мене половины рабочего времени, поэтому с учётом других *«форс-мажорных»* обстоятельств к таким *«честным»* вроде меня очередникам уделялось внимание 20, максимум 30 процентов рабочего времени. Невольно на ум приходило сравнение с незабвенным Некрасовским произведением *«У парадного подъезда»*. Когда, наконец, удалось попасть в отдел к нужному чиновнику, мне вежливо сообщили, что фонды нам выделены, но таких как мы много и когда дойдёт очередь до отгрузки продукции в наш адрес неизвестно. Мои попытки объяснить, что невыполнение сроков отгрузки приведёт к срыву графиков строительства важнейших ударных строек страны, не произвели ни какого эффекта.

Со следующего дня начались мои *«хождения по мукам»*. Начал я с начальника отдела, далее мой путь лежал к заместителю директора по снабжению и сбыту – результат нулевой. Я решил поднять на борьбу с бюрократией комсомол. Кто же ещё может помочь Всесоюзным ударным комсомольским стройкам. С их помощью я оказался в парткоме завода, откуда состоялся разговор с директором, но всё вернулось на *«места свои»*. Все соглашались, все выражали готовность помогать, но никто, ничего не мог сделать. Я не собирался смириться с неудачей и на следующий день отправился в горком комсомола, а затем и в горком партии. Результат – ноль. Вечером, как уговорились, докладываю по телефону обо всех своих действиях Рабинеру,

и получаю обескураживающее меня указание, прекратить всякие действия в Первоуральске, и направляться в Челябинск.

На Челябинском трубном заводе всё повторилось, как говорится одно в одно. Я начал анализировать свои действия в надежде найти причину своих неудач. С позиции советского человека, приверженного соизмерять свои поступки с принципами, заложенными в провозглашённом тогда партией и властью *«Кодексе строителя коммунизма»* я, на мой взгляд, действовал безупречно. На практике эти принципы не действовали. Это было очередное противоречие, определяющее оторванность красивой, но не жизнеспособной идеологии от практики жизни. Подспудно меня посещала догадка о всесии и бессмертии принципа ярко выраженного в поговорке *«не подмажешь не поедешь»*, но в, то время не только я, но и огромное количество представителей моего поколения к буквальному восприятию этого принципа были не готовы. Выслушав мой очередной отчёт о своих действиях, моё начальство отозвало меня назад в Красноярск. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что посланный вместо меня другой работник, в моём представлении человек не приверженный высоким моральным принципам, через пару дней после прибытия в Первоуральск отправил первую партию труб, а через несколько дней началась отгрузка продукции и из Челябинска. Будучи человеком самокритичным, я вынужден был признать свою профнепригодность к работе снабженца, хотя это меня конечно угнетало.

Я до сих пор не умею, как говорят в народе *«дать на лапу»*. Однажды по прошествии многих лет я попытался это сделать, но не смог выполнить это непринуждённо и всё испортил. Больше никогда не пробовал, не дано мне было это.

Глава пятая: И снова в путь

Вскоре я переводом ушёл работать на предприятие КЖБМК⁴, входящее в структуру Главкрасноярскстроя, сменным мастером в ремонтно-механический цех. Это было мне как механику ближе, тем более у меня был уже опыт в этой сфере деятельности. Читатель, познакомившийся с моей первой книгой, помнит, что моя трудовая деятельность начиналась на Красноярском телевизорном заводе учеником фрезеровщика. Затем я работал слесарем ремонтником и фрезеровщиком на комбайновом заводе. Уже в этой книге я знакомил читателя со своим развитием в этой сфере деятельностью на Красноярском ЛДК. Всё это с учётом практики работы механиком и на других должностях среднего звена позволяло мне предметно подходить к исполнению заказов основных производственных цехов предприятия с учётом представления об эксплуатационных характеристиках деталей и узлов и нагрузках, которые они испытывают в процессе эксплуатации с тем, чтобы грамотно выполнять возложенные на меня обязанности.

Из прошлой практики я знал, что состав работников ремонтно-механических цехов отличается высоким профессионализмом, наличием творческого мышления и завоевать у них признание своей профпригодности дело не простое. Поэтому для меня эта задача представлялась наиболее важной. Я понимал, что коллеги по работе от мастеров до руководства цехом, а так же заказчики, с которыми приходилось согласовывать особенности исполнения каждого заказа, работники некоторых профильных служб заводоуправления некоторое время будут также присматриваться, и изучать меня. В конце концов, мы все притёрлись друг к другу, и я почувствовал себя в новой среде *«как в своей тарелке»*.

Гигант строительной индустрии Красноярский комбинат железобетонных и металлических конструкций, 1964 год.

В описываемое мною время за каждым советским человеком на всём его жизненном пути следовало его досье, скрупулёзно составляемое различными организациями и спецотделами. В нём отмечались все более или менее значимые события, случаи, сопровождающие

---

⁴ Красноярский комбинат железобетонных изделий и металлоконструкций

нашу жизнь, в которых мы как-то высвечивались и иные характеризующие нас данные. Будучи человеком общественно-активным я тем более не был исключением, и поэтому меня вскоре пригласили в комитет комсомола и предложили организовать на комбинате работу КП (комсомольского прожектора).

Секретарь комитета комсомола комбината «делает мне предложение, от которого невозможно отказаться» —

организовать и возглавить работу КП
(Комсомольский прожектор)

Мне это довольно острое и конфликтное направление в деятельности комсомола, задачей которого было остро реагировать на случаи брака в работе, разгильдяйства, приписок, нарушений производственной, технологической и трудовой дисциплины, нарушений соцзаконности было знакомо. В первом томе сборника я описанию этого вида деятельности комсомола уделил достаточно внимания. Помимо общепринятых методов борьбы с этими проявлениями комсомолом использовалась публичная сатира через стенную печать (стенгазеты, боевые листки, местное радио и т.д.) с острым в сатирической форме публичным обличением виновных. Моё общественное досье, включающее опыт работы в КАО и в его печатном органе БОКСе, стали определяющими для партийной и комсомольской организаций комбината в принятии решения о поручении именно мне организации столь щекотливой общественной работы. Они понимали, что я имел опыт преодоления неизбежных конфликтов, возникающих при этой работе, и был готов к ним.

Надо признать, что молодой возраст, формы воспитания, применяемые к нам в то время, результатами которого были идеологическая зашоренность, бескомпромиссность создавали молодым людям с активной жизненной позицией, к которым относился и я, много проблем. Это касалось не только проблем в отношениях с так называемыми нарушителями дисциплины и «бракоделами», но и с представителями администрации, руководством общественных организаций. Последние в своём большинстве не склонны были выносить «сор из избы», чтобы не портить показатели соцсоревнования, не терять из-за этого премий, наград, поощрений, положенных по условиям этих соревнований. На итоговые показатели отрицательно влияло наличие нарушений. В этом плане, такие как я, были неудобны для определённого круга лиц, и они не прочь были сделать всё, чтобы снизить нашу активность, или нейтрализовать и дискредитировать нас, сознавая при этом, что деятельность КП они прекратить, не могут вследствие опеки и поддержки КПСС деятельности комсомола в этом направлении.

Комсомольцы – члены КП вышли в рейд

Это сопротивление нашим действиям оказываемое определёнными лицами по занимаемым должностям наделёнными определёнными властными полномочиями, хоть и носило завуалированный характер, воспринималось комсомольцами, действующими в составе комсомольского прожектора как враждебное марксистско-ленинской идеологии. Оно требовало, как нам внушали ведения бескомпромиссной и беспощадной борьбы с «плохими руководителями, недалёковидными коммунистами и комсомольцами, всеми мешающими советским людям строить, светлое будущее человечества – коммунизм» То, что эта борьба напоминала *«сражения славного рыцаря с ветряными мельницами»* мы тогда не понимали. Прозрение было впереди, а в то время мы были такими, какими нас лепили, начиная с семьи. Далее нас обрабатывали, используя разные идеологические установки, разрабатываемые для разных возрастных групп. Осуществлялось это через различные детские, молодёжные и другие общественные организации созданные большевиками ещё на заре советской власти. С изменениями общественной жизни в стране, изменялись и методы идеологической обработки населения, иногда на грани абсурда. Это было одной из причин, по которой некоторые из нас невольно, без какого либо умысла становились *«неформальными лидерами»* отдельных коллективов. Они были способны серьёзно влиять на происходящее, создавать общественное мнение и организовывать проведение тех или иных действий, не всегда совпадающих с намерениями отдельных руководителей или организаций, включая общественные. Меня не раз приравнивали к ним, и это создавало мне немало проблем. Нередко эти мои возможности использовались лицами, которым я симпатизировал, не догадываясь, что они вели свою карьерную игру.

Личная карьера меня в то время не занимала, поэтому я не стремился к пониманию тонкостей этих закулисных игр, и искренне поддерживал тех, в ком видел честных, порядочных, высококвалифицированных работников. Это, как потом оказывалось, не всегда соответствовало моим представлениям об этих людях. И, тем не менее, моя позиция всегда была бескорыстной, выражалась в бескомпромиссной форме, на что они сами были не готовы. Весьма вероятно, что их устраивало в лобовой атаке использовать неформальных лидеров, к коим относили и меня. Всё это я очень болезненно воспринимал. Особенно меня ранила нечистоплотность отдельных людей, к которым я испытывал искреннюю симпатию, близко сходилась с ними, был готов грудью защищать их. Мне трудно передать чувства, которые я испытывал, наблюдая их перерождение. Когда они, не без моей помощи достигнув своих целей, становились приверженцами тех принципов, за отмену которых до этого ратовали, против которых организовывали борьбу.

Конечно, всё это кроме разочарований приносило мне и определённый жизненный опыт, заставляло меня с большей ответственностью относиться к принимаемым решениям, более критически воспринимать события, более осмысленно постигать практику науки общественных отношений.

В новой среде, «как в своей тарелке». Среди новых друзей – людей активных, неравнодушных душой, болеющих за общее дело. Второй слева я, четвёртый секретарь комитета комсомола, 1965 год.

Несмотря на наличие негативной стороны, каждый такой случай закалял меня, обогащал знаниями, делал более жизнеспособным. Большевистский принцип *«общественные интересы выше личных»* был основополагающим для моего и ближайших к нему поколений, которому мы неуклонно следовали. Этот принцип превалировал у нас и в личной жизни. За небольшим исключением всё свободное от сна время суток у молодого человека моего возраста, занимающего активную жизненную позицию, в то время было заполнено, как тогда говорилось общественно-полезным трудом. Будь это трудовая или общественная деятельность. Время, затрачиваемое на общественную работу, зачастую в объёме было не меньше чем объём времени затрачиваемого на основную работу.

По моей загрузке в тот период личного времени, в том числе связанного с семейными обязанностями и заботами, оставалось ничтожно мало. Было бы неверным утверждение, что меня это тогда очень угнетало. Да простят меня мои близкие, коих я оделил вниманием по причине своей беспечности. Я с удовольствием транжирил своё свободное от основной работы время на работу в КП, на участие в рейдах городского комсомольского оперативного отряда, на, связанные с этим занятия спортом, на турпоходы с туристами комбината. Мне нравилась такая жизнь.

Мысли о том, что этим я в какой-то степени обедняю себя и свою семью взаимным общением, не приходили тогда мне в голову. Моя жена, будучи близка мне по возрасту, как мне казалось жила теми же представлениями о жизни и поэтому особых противоречий у нас не возникало. Мы были молоды, и как мне казалось, любили друг друга и довольствовались теми мгновениями, которые нам выпадали для совместного общения. Это время мы стремились использовать максимально насыщенно. Ходили в театры, в кино, в гости к друзьям и родным, принимали гостей у себя, занимались детьми.

У нас в ту пору было два ребёнка и времени на всё, конечно, не хватало, тем более что жена в то время совмещала работу с учёбой в институте.

Нам неоценимую помощь оказывали наши родители и родственники. Мы с их помощью могли себе позволить, пользоваться услугами нанимаемых нянь. В летнее время часто детей отвозили к бабушке на Украину, где они вволю отдыхали, закалялись, ели фрукты и получали заряд бодрости и сил для жизни в Сибири.

Как я уже раньше отмечал, свой отпуск мы с женой проводили по-разному. Иногда вместе с детьми отдыхали на Украине, или если мне выделялась путёвка, в санаториях. Иногда брали с собой кого-нибудь из детей. В этом случае супруга проживала в частном секторе, а для укрепления здоровья мы приобретали ей курсовку на оздоровительные процедуры. Я пользовался услугами, предусмотренными в путёвке, а в свободное от приёма лечебных и оздоровительных процедур время мы встречались и отдыхали вместе. Ездили на экскурсии организовано или самостоятельно, купались, загорали, ну, в общем, максимально использовали время, не ограничивая себя ни в чём, что было нам доступно.

В начальный период нашей супружеской жизни я иногда отдыхал со своими друзьями, как тогда называли «дикарями». В этом была своя изюминка, хотя я допускаю, что это не всегда нравилось моей жене. Я её не ограничивал, когда она ездила отдыхать одна без меня и мне это, надо признать было не совсем по душе. У меня было много близких мне по духу товарищей, но близких друзей было не много, да настоящих друзей и не может быть много. Одним из самых близких был Сергей Шишов, с которым у меня сохранились добрые дружеские отношения, и по сей день. В молодости мы любили с ним отдыхать «дикарями» в Крыму.

Всё, что связано было с моим старшим сыном, имело для меня особое значение. Я, наверное, из-за этических соображений и если бы не была нарушена тайна, касающаяся моей, семьи не уделял бы проблеме приёмных детей публичного внимания. В наше время законодательство позволяло семье принявшей малолетних детей надеяться на сохранение тайны деторождения, дабы избежать нарушения гармонии семейных отношений по этой причине. Сегодня, когда численность населения катастрофически сокращается по экономическим, социальным, экологическим, медицинским, и другим причинам, этому должно уделяться особое внимание.

Я (слева) со своим другом Сергеем Шишовым в Никитском ботаническом саду на черноморском побережье Крыма. 1964 г.

Надо чтобы общество и государство поддерживали семьи, принявшие решение взять на воспитание оставленных матерями в роддомах и других местах детей, или молодых людей, решивших оформить родительские права на ребёнка, или детей одного из супругов. Сегодня эта проблема слишком животрепещущая и не терпит отлагательства, поэтому я не могу обойти её вниманием. Я считаю своим долгом поделиться собственным опытом с молодыми людьми, решившими сделать этот очень ответственный шаг. Поэтому и дальше по мере необходимости буду уделять этой теме посильное внимание. В описываемый период для меня главным в построении отношений со старшим сыном было не совершить что-нибудь такого, что не дай бог, позволило бы кому-нибудь и тем более ему, если тайна его рождения перестанет быть таковой, даже подумать о каком, то ущемлении по причине не родства. По прошествии определённого времени я усомнился в справедливости этой мотивации своего поведения. Это даёт осно-

вание предостеречь молодых людей, имеющих приёмных детей, от совершения этой не самой страшной, но всё же ошибки. Окружающие Вас люди, включая родных и близких, и главное дети не должны замечать каких-то особенностей в отношении к приёмному ребёнку.

Обычная работа мастера. Я проверяю качество, выполняемой станочником работы. 1965 г.

А тем временем моя работа на комбинате заканчивалась очередным конфликтом. Начальник цеха, в котором я работал, был родным братом директора комбината, и не гнушался, широко пользоваться этим и при исполнении своих служебных обязанностей. Чувствуя свою безнаказанность, он был груб и часто не справедлив с подчинёнными, даже когда был не прав, и не мог не осознавать этого. Вокруг таких людей обычно группируются люди, попавшие к ним в зависимость, и не находящие возможности, освободиться от неё. Или люди с низменными наклонностями, извлекающие для себя пользу, в благоприятно складывающейся для них ситуации. Обстановку усложняла и склонность лидера к пьянству, а возможность получения для производственных нужд спирта, усиливала эту склонность. Это обстоятельство не спаявало, а как тогда говорилось «спайвало» эту группу, усиливало зависимость её участников от лидера, обеспечивая ему в нужное время необходимую поддержку. Из-за особого положения нашего начальника цеха его вынужденно поддерживали и часть руководителей других подразделений комбината и работников аппарата его управления.

Практика учит, что всеобщая гармония – утопия, тем более там, где обостряются противоречия. Сами по себе противоречия не обостряются. В обществе людей их обостряют люди, способные находить соратников, внушать им свою правоту, и организовывать их сопротивление противоположной стороне. Таких людей, как я уже упоминал выше, называют неформальными лидерами. Таким лидером в нашем коллективе был заместитель начальника цеха. Я специально не называю фамилии участников событий, не желая вызвать у них неприятные чувства, так как не собираюсь ни кого обличать. Просто приводимые мною примеры носят обобщённый характер и, на мой взгляд, ознакомление с ними может оказаться полезным следующим за нами поколениям молодых людей.

В отличие от начальника цеха, его заместитель имел высшее техническое образование, и со знанием дела использовал его, исполняя свои служебные обязанности. Он был много моложе своего начальника, обладал коммуникабельностью и пользовался заслуженным авторитетом не только среди работников цеха, но и как грамотный специалист у заказчиков услуг и в среде инженерно-технических работников комбината. Уступая своему заместителю в образовании, интеллекте и в профессионализме начальник цеха видел угрозу своему безоблачному существованию и всячески стремился избавиться от него, не гнушаясь при этом ни какими средствами. Всё это создавало предпосылки к возникновению в коллективе конфликта двух противоборствующих группировок.

У меня, как и у многих других работников сложились хорошие отношения со своим непосредственным техническим руководителем и наставником, коим и являлся в цехе заместитель его начальника. Кроме этого нас сближали близость возраста, схожесть взглядов не только в вопросах производственной деятельности, но и в вопросах нравственности отношения к происходящим вокруг жизненным процессам. Это не могло не сблизить нас, и мы стали не только дружны между собой, но и сблизились семьями. Ходили, друг к другу в гости, или делали совместные выходы в другие места. Исходя из этого, я не мог быть безучастным, к противодействию двух соперничающих сторон, и конечно был на стороне того, кому я симпатизировал, и кого считал правым, хотя были и у нас с ним на этот счёт свои разногласия. Я ведь имел уже кое-какой опыт в этой области, тем более, несущий горький осадок. Надо признать, что на моё отношение к другому, формальному лидеру, в немалой степени влияла моя общественная работа. Будучи руководителем КП комбината и не раз, обличая нарушителей трудовой дисциплины и общественного порядка на других участках, я не мог закрывать глаза на загулы своего начальника. Правда я не раз пытался объяснить ему, что своим поведением он не только вызывает недовольство по отношению себя, но и бросает тень на брата. Брат пользовался уважением на комбинате, его отличали качества, свойственные не только твёрдому руководителю и хорошему организатору, но и грамотному специалисту. К сожалению, его младший брат игнорировал все попытки помочь ему, грубо обрывал всех, кто пытался это делать, в том числе и меня, отмахиваясь от предупреждений о возможных негативных для него последствиях. Я пробовал повлиять на него и через общественные организации, включая партийную, ведь он был членом партии, но всё было тщетно. Моему возмущению не было предела. На моих глазах наказывали, снимали с работы, изгоняли из партии за более мелкие проступки, а этому человеку всё сходило с рук и только из-за того, что не хотели, как мне говорили, травмировать его брата, директора комбината.

Было бы неверным утверждать, что наш начальник цеха не обладал необходимыми способностями для исполняемой им работы, но его образ жизни, его поведение, его отношение к подчинённым людям, дискредитировали в нашем представлении образ советского руководителя. Мы, будучи убеждёнными, в своей правоте и в справедливости нашей позиции, не сомневались, что эта справедливость восторжествует. Наша борьба закончилась победой, но победа эта была пирровой. Начальника цеха перевели на другое место работы в отдел сбыта и не на рядовую должность. Наиболее активным борцам, в число которых вошли и я и наш протеже, заместитель начальника цеха, была предоставлена возможность, покинуть предприятие по собственному желанию. Мы осознали «великодушные» руководства и воспользовались возможностью не портить свою биографию.

Такая практика разрешения конфликтов была частью проводимой КПСС и верными ей профсоюзами и комсомолом кадровой политики, частью большевистской идеологии. Получилось как в поговорке «За что боролись на то и напоролись». Жизнь преподнесла нам всем урок. Для меня лично это был очередной урок на пути прозрения и возмужания. Я, перелистывая свою трудовую книжку, наткнулся на заинтересовавшую меня запись о поощрениях в тот период и решил привести отдельные выдержки, заранее представляя в своём воображении снисходительные улыбки молодых читателей. Вот эти выдержки:

3-д ЖБИ №1

1. 1964 VIII 04 Объявлена благодарность с выдачей денежной премии 10 руб. Пр. №210 от 4/ VIII-64 г.
2. 1964 XI 05 Объявлена благодарность с выдачей денежной премии 15руб. Пр. №300 от 5. XI. 64 г.
3. 1965 II 8 Награждён денежной премией в сумме 15 рублей. Пр. №32 от 8.02.65 г. и так далее. На десять рублей в то время можно было вдвоём хорошо провести вечер в ресторане или

семье питаться дня три. Зарплата рядового инженера составляла тогда 80—90 рублей, а доллар стоил около семидесяти копеек, правда он был не в ходу.

Во внутри политической жизни страны в период моей работы в системе Главкрасноярскстроя, а это с мая 1963 года по август 1965 года, произошли существенные перемены. Главным событием этого периода было осуществление в СССР государственного переворота в октябре 1964 года. Со слов историков:

«Партийные же верхи устали от хрущёвской неопределённости и желали скорее добиться возжеланной стабильности брежневского образца» [5, стр.299].

Сегодня, когда мы немного прозрели, и какая-то скрываемая от общества часть истины стало явью, я выражаю свою, и мне хочется верить и многих своих сверстников точку зрения на нашу жизнь, на историю происходящих вокруг нас событий, о подлинности которой мы в слепоте своей в то время и не подозревали.

Не мало современных российских историков роют в грязном белье истории событий советского периода в поисках истины, но не все, из них обнаружив правду, представляют обществу её наготу. Подтверждением этому являются и некоторые приводимые мною ранее цитаты из работ современных российских историков. Я не берусь гадать, какими мотивами они руководствуются, вуалируя полностью, или частично приукрашая действительность. Просто с позиции простого человека, участника и в какой-то мере «маленького винтика», (так определялось место простого советского человека в государственной машине, творящей историю), хотелось бы избавиться ото лжи, и от вуалей её прикрывающих. И вот с этой позиции я утверждаю, что Никита Сергеевич Хрущёв был плоть от плоти произведением влагилица, породившего большевизм, и породистой бациллой его распространения в любой среде. Как известно, здоровый организм оказывает активное сопротивление любой, попавшей в него инфекции. То, что организм советского общества не проявил заметного противодействия происходящим в нём нездоровым процессам, говорит о хроническом течении болезни, поразившей это общество. Просто место умерших и ослабевших носителей одной и той же болезни, занимали более крепкие бациллы. К категории умерших можно отнести Сталина, и ушедших из жизни в результате или вследствие смерти вождя его соратников. К крепким бациллам можно отнести Берия, Булганина, Молотова, Маленкова, «четвёрка основных наследников Сталина», так их называет современный российский историк Ю. В. Аксютин, далее к ним можно присоединить Кагановича, Хрущёва, и ряд других деятелей, которых нельзя не отнести к категории основных его соратников. К ослабевшим можно отнести бывших крепких, приведших к власти Хрущёва, которых он впоследствии путём организации «ползучего» переворота низверг. Это те же Берия, Маленков, Булганин, а затем и такие соратники Сталина как Молотов, Каганович и «примкнувший к ним» Шипилов. Поэтому я осмеливаюсь возразить против утверждения, претендующего на историческую истину, приведённой мною выше ссылке. Правда этот источник я широко использую в своей работе, потому, что там собрано много ценного правдивого исторического материала, изложенного в сжатой форме, что мне позволяет экономить время при сборе необходимой информации, и за что я благодарен его авторам. Но иногда и в ценной руде присутствует пустая порода. Никита Сергеевич Хрущёв пришёл к власти, будучи не только соратником Сталина, но и одним из основных наследников Сталинизма. Это произошло путём продуманной, организованной, и осуществлённой им ползучей аппаратной интриги, при поддержке таких же, как и он наследников и соратников Сталина. При этом он так же как Сталин поступал с теми, кто его привёл к власти. Одних низвергал, а других и уничтожал.

Я ни в коей мере не стремлюсь умалить заслуг Н. С. Хрущёва перед обществом и народом, достойных места в истории, и заслуженно в ней его занявших, но это не значит, что историческая личность имеет право на завуалированность, прикрывающую её отдельные черты. Хрущёву, для того чтобы выгодно отличаться от того кого, как пишет историк он *«развенчал»*, и от тех, кого он далее низвергал, необходимы были перемены. Только это в своей основе и определяло его *«искреннее»* стремление к переменам, потому что именно позитивные перемены могли обеспечить ему удержание обрётённой власти. Я не специалист в области сельского хозяйства, но в моей памяти сохранилась расхожее в народе прозвище нового вождя – *«кукурузник»*, данное ему за насильственную форму реформирования сельского хозяйства, может быть задуманную и из добрых намерений. Что касается *«хрущёвской неопределённости»* то, на мой взгляд, ощущения определённости не было свойственно советскому периоду в истории нашей страны. Это не свойственно и сегодняшнему постперестроечному периоду российской истории. Наши родители жили, не зная, что с ними случится завтра, мы жили надеждой на *«светлое будущее»*, наши дети и внуки живут сегодняшним днём, не имея, не только какой-то определённости, но и даже надежды на завтрашний день. Относительно партийных и иже им подручных верхов, то и история партии и советская история говорят о постоянном наличии скрытых очагов интриг, внутри аппаратной борьбы за власть, периодически переходящих в разряд открытой внутрипартийной схватки, обычно завершающейся победой *«ленинских идей»* и сменой власти. И на этом на какой-то период вся *«усталость верхов»* заканчивалась с тем, чтобы через какое-то время проявиться вновь.

В дальнейшем, дорогие читатели, если у Вас хватит терпения читать эту книгу, Вы убедитесь в обоснованности этих моих умозаключений. И ближайшим подтверждением явился государственный переворот в СССР, осуществлённый, как писал один историк в приведённой мною выше цитате группой из *«партийных верхов, уставших от хрущёвской неопределённости и желавшей поскорее добиться возжеланной стабильности брежневского образца»*. В историю эта стабильность вошла под названием *«Застой»*. Подготовка к перевороту велась скрытно. Пружина закрученной интриги раскрылась в нужный момент, и результат превзошёл ожидания. Всё завершилось тихо, без крови.

«Пока Хрущёв отдыхал в Крыму, заговорщики во главе с Брежневым заручились поддержкой большинства ЦК КПСС и вынесли этот вопрос на Пленум ЦК. Хрущёв был вынужден подать в отставку. Пришедшие к власти заговорщики объявили себя «коллективным руководством» и разделили посты первого секретаря КПСС (Брежнев) и председателя Совмина (Косыгин)» [5, стр.299].

Это история ни для кого не является сегодня секретом, но я привожу эту цитату в контексте к вышеизложенной мысли о наличии хронической интрижной болезни, которой была поражена партийная и советская верхушка. Инфекция передавалась сверху вниз и её носителем была верхушка. Как справедливо говорится в одной русской пословице *«рыба гниёт с головы»*. Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Вот Никита Сергеевич развенчал культ Сталина после его смерти, мы же развенчаем культ Хрущёва при его жизни» [5, стр.299].

Сколько цинизма в этой фразе, а ведь выдвижение Брежнева осуществлялось не без поддержки Хрущёва, а уж в склонности к культу личности его, пожалуй, ни один советский вождь не превзошёл. Его *«иконостасу»* позавидовал бы любой известный миру полководец.

Мне импонирует высказывание современного российского историка Поляковой. Д.И. о том, что двигало представителями партийной верхушки при принятии решения о поддержке Брежнева. Она писала:

«Отсутствие признаков самобытной личности вполне устраивало номенклатуру, обеспечивая её выдвиженцу определённый кредит доверия и прочность позиции в стане соратников» [5, стр. 299].

Сразу после переворота было отменено инициированное Хрущёвым разделение парткомов на городские и сельские, т.е. партийные комитеты были восстановлены в прежнем виде.

На фоне этой грязной хроники праздником для советских людей стал первый в мире выход человека в открытый космос и сделал это 18 марта 1965 года советский космонавт Алексей Леонов. Невозможно передать, всю гамму переполнявших наши сердца чувств. Мы также искренне радовались присуждению М. А. Шолохову Нобелевской премии по литературе за роман «Тихий Дон». Как отмечают историки, это был

«Единственный случай присуждения Нобелевской премии отечественному литератору, не встреченный на родине громкими проклятиями» [5, стр.300].

Как-то без общественных резонансов, во всяком случае, у нас в Красноярске прошёл в Ленинграде судебный процесс, над молодым талантливым поэтом Иосифом Бродским. Суд приговорил его за тунеядство к ссылке на пять лет. Это уже был сигнал относительно гласности. Власть давала понять, как говорится в народе «говори да не заговаривайся».

Внешнеполитический курс, осуществляемый государством в освещаемом периоде, отличался заметным упрочением позиций Советского Союза во внешнем мире, в основном в так называемом третьем мире. С другой стороны произошло резкое ухудшение отношений с коммунистическим Китаем, завершившееся разрывом отношений, и последовавшим за этим отзывом из Китая советских специалистов, и высылкой из Москвы китайских дипломатов.

Серьёзный урон престижу нашей страны на Западе принесли: разрыв СССР советско-американского моратория на ядерные испытания и инициируемым СССР Карибским кризисом, поставившим мир на грань третьей мировой войны с возможным применением ядерного оружия. Весь мир замер от ужаса в ожидании, чем закончится это противостояние двух сверхдержав. Надо отдать должное выдержке и благоразумию их лидеров, сумевших обуздать свои и своих сателлитов амбиции, и избавивших мир от уничтожения.

Часть вторая: Борьба противоречий (1965—1974 гг.)

Глава шестая: Обретение призвания

Шёл 1965 год. Мой друг Сергей Шишов, узнав о том, что я подыскиваю работу, предложил мне должность мастера производственного обучения во вновь открывающемся Монтажном техникуме. Это было среднее учебное заведение, подведомственное Минмонтажстрою (Министерство монтажного строительства). Там ему предстояло преподавать и по совместительству организовать работу учебно-производственных мастерских в качестве заведующего. Размер оплаты моей работы зависел от объёма нагрузки в учебных часах и по предварительным прикидкам, сделанным нами, она меня устраивала. Меня также устраивала работа вместе с другом, а после того как он мне сообщил, что заместителем директора по учебной части оформляется Г.Г. Каленский, бывший директор техникума, который я закончил, все мои сомнения улетучились. Буквально на следующий день я был представлен руководству техникума, и вопрос о моём трудоустройстве был решён положительно. За меня подал голос и Каленский, что естественно вызвало у меня чувство признательности, но при этом я осознал и меру ответственности, налагаемую на меня этим поручительством. Этот человек в своё время оказал на меня благотворное влияние, серьёзно влиял на моё развитие, на формирование меня как личности, как молодого специалиста, содействовал в создании моей семьи.

Монтажный техникум готовился впервые открыть свои двери перед первым своим набором абитуриентов. Это было поколение подростков, получивших как не полное, так и полное среднее образование, молодых людей, пожелавших обрести знания и практические навыки в рамках выбранных профессий. С первого дня вступления в должность я окунулся в атмосферу оживлённой суеты и напряжённого ожидания чего-то праздничного и необычного, стремления как можно лучше подготовиться к этому празднику и доставить удовольствие всем его участникам.

Ознакомившись с программами учебно-практического процесса в рамках моей будущей деятельности, я отметил для себя, что обладаю необходимым запасом профессиональных знаний и практических навыков для выполнения предложенной мне работы. Единственно чему мне предстояло серьёзно учиться, так это умению обучать и воспитывать. Серьёзного опыта у меня в этой области не было, и это, естественно, не могло меня не беспокоить. Я пытался себя успокоить и обрести уверенность, внушая себе, что имею хороший опыт комсомольской работы, обладаю определёнными организаторскими способностями, все меня считают достаточно коммуникабельным человеком. Однако я понимал, что существует целый комплекс педагогических наук для подготовки специалистов в области обучения и воспитания и, что этим придётся серьёзно заниматься.

Время до начала учебного года оставалось мало, а работы по подготовке к приёму учащихся было много. Только что завершился монтаж оборудования. Необходимо было осуществить его запуск, регулирование и опробование. Также необходимо было обеспечить нормы безопасности, подготовить оснастку, приспособления и рабочие инструменты, оборудовать рабочие места. Всё должно было соответствовать действующим нормам, и отвечать установленным требованиям. Нам предстояло готовить молодых специалистов, способных через

несколько лет работать в условиях отличных от учебных, и на практике доказывать свою профпригодность.

Моему другу удалось собрать дружный молодой коллектив специалистов разных профессий в соответствии с учебным планом. Мы в конце рабочего дня, а он у нас был не нормирован, собирались, и подводили итоги сделанному, определяли задачи на следующий день и учились друг у друга. Составляли календарные планы, готовили дидактический материал, писали конспекты, проводили показательные теоретические и практические занятия. Это был захватывающий творческий процесс, чем-то напоминающий мою работу в БРИЗе Красноярского ЛДК. На самом деле захватывала новизна предстоящего вида деятельности в образовательной сфере. Такая же атмосфера ощущалась во всех подразделениях техникума.

Структура техникума значительно отличалась от структуры высших учебных заведений. В отличие от факультетов и кафедр, представляющих структурные учебные подразделения ВУЗов, в техникумах соответственно были отделения и предметные комиссии, и т. д. Во всех этих подразделениях так же шла напряжённая подготовительная работа к первому учебному году. Многих из нас объединяло то обстоятельство, что для основной части коллектива это был первый опыт учебно-воспитательной работы. Существовала, конечно, определённая субординация. Мы, мастера производственного обучения, по своему образовательному уровню (у нас было среднетехническое образование), были выделены в обособленную группу, занимая место между преподавательским коллективом и обслуживающим персоналом. На всех официальных уровнях наши интересы представлял наш руководитель, заведующий мастерскими Шишов Сергей Александрович. Тем не менее, в процессе работы мы все общались, этого требовал учебный процесс. В наших отношениях, за редким исключением, антагонизма не наблюдалось, наоборот часто нас связывали искренние товарищеские и нередко дружеские отношения.

Как-то меня пригласили к директору техникума. Я шёл и мысленно пытался понять причину моего вызова, но, ни какого объяснения мне в голову не приходило. Когда я по приглашению секретаря вошёл в кабинет директора, то там кроме него находились заведующий учебной частью Каленский Г. М. и мой друг, и непосредственный начальник Серёжа Шишов. Ну, это между нами, когда мы были наедине, он был для меня Серёжа, а я для него Дима. На людях в техникуме мы соблюдали субординацию и называли друг друга по имени и отчеству. Мне предложили сесть с ними рядом за приставной столик, и когда я сел, директор сформулировал причину моего приглашения примерно так: *«Дмитрий Константинович у нас недостаёт опытных воспитателей на вакансии классных руководителей. Практика учебных заведений предусматривает назначение на эти должности лиц из числа преподавательского состава. Мне сказали, что вы числитесь в академическом отпуске в Сибирском технологическом институте. Вы намерены продолжить образование? Когда я утвердительно кивнул головой, он продолжил: вот Григорий Георгиевич и Сергей Александрович предлагают вопреки установившейся практике назначить вас классным руководителем одной из учебных групп первого курса, как вы на это смотрите?»* Предложение для меня было слишком неожиданным, и я не был готов сразу на него ответить, поэтому попросил время подумать. Директор согласился со мной, но попросил не затягивать с ответом. Когда мы вышли, Каленский пригласил нас с Шишовым зайти к нему в кабинет. Там он мне сказал: *«Дима мы с Серёжей тебя давно и хорошо знаем, и если бы не были уверены, что тебе по плечу работа классного руководителя, не предложили бы твоей кандидатуры. Ты можешь рассчитывать на нашу помощь, „не боги горшки обжигают“. У тебя опыта работы с молодёжью больше чем у наших сегодняшних преподавателей, поэтому не забивай себе голову и соглашайся»*. И я дал своё согласие.

Заведующий учебно – производственными мастерскими С. А. Шишов проверяет мою готовность к приёму первых учебных групп, 1965 год.

На следующий день я пришёл в учебную часть и попросил ознакомить меня с личными делами учащихся своей группы. Мне достали личные дела и я, не выходя из комнаты, выписал в отдельную тетрадь, необходимые как я считал данные о моих будущих воспитанниках. Меня приятно удивило наличие в группе большого числа достаточно взрослой молодёжи. Часть из них представляла собой демобилизованных из армии молодых людей, часть пришла учиться по направлению монтажных предприятий края. Таким образом, у меня была хорошая база, на помощь которой я мог рассчитывать в своей работе. Новые обстоятельства ещё больше укрепили моё намерение серьёзно заняться самообразованием по педагогике, изучением методик, дидактических приёмов в воспитательном процессе. Я взял в библиотеке рекомендованную мне Каленским специальную литературу, и со всей серьёзностью взялся за работу.

И вот он наступил этот день, день который мы так ждали, и к которому тщательно готовились. Всех прибывших на учёбу молодых людей собрали в празднично оформленном актовом зале. Выступивший с кратким приветствием директор техникума, представил учащимся персонально вначале преподавательский коллектив, затем лаборантов и нас, коллектив учебно-производственных мастерских, административный и обслуживающий состав. После этого состоялось торжественное посвящение всех прибывших в студенты с вручением символического ключа от храма знаний. На завершающем этапе учащимся были представлены их воспитатели (классные руководители) и было предложено, совершить экскурсию по техникуму. Так организованно в сопровождении классных руководителей по заранее разработанному маршруту проходило знакомство с предметными кабинетами, лабораториями, учебными мастерскими, учебными аудиториями, спортивными площадками, пищеблоком, общежитием и другими объектами техникума. После этого группы разошлись по распределённым аудиториям для совместного знакомства, и получения необходимого инструктажа по правилам поведения в техникуме, распорядке дня, организации учебного процесса, правилам проживания в общежитии и по предлагаемым внеклассным мероприятиям. Меня, как и других классных руководителей, окружили мои воспитанники, я им ещё раз представился, и мы организованно отправились знакомиться с техникумом, в соответствии с выданной мне ранее маршрутной схемой. После экскурсии я пригласил своих воспитанников в отведённую для проведения классных мероприятий аудиторию. Для моей группы была определена учебная аудитория в мастерских, куда мы и отправились.

Я так подробно описываю всю процедуру организации приёма нового набора учащихся в надежде на то, что эти мои подробности будут интересны и окажутся в какой-то мере полезными, если среди моих читателей окажутся молодые преподаватели, другие молодые специ-

алисты, пришедшие на работу в учебное заведение. Никогда не поздно вернуть утраченные хорошие традиции, созданные предшествующими поколениями.

Надо отметить, что эту свою первую встречу со своей группой я запомнил на всю жизнь. Я волновался, наверное, не меньше, если не больше своих подопечных. Нам предстояло вместе пройти путь в четыре года, и что нас ожидает на этом пути, какой он будет ни они, ни я в то время себе не могли представить. Я ощутил, что старшим по возрасту ребятам импонировало, что у них классный руководитель близкого им возраста. В моей группе оказалась одна женщина немного старше меня по возрасту, которую я знал по госпиталю, в котором когда-то работала моя мама, и немного работал я сам, будучи студентом техникума. Об этом периоде в своей жизни я писал в первой своей книге. Она тогда работала в госпитале киномехаником, и ходила на репетиции танцевального кружка, которым я некоторое время руководил. Нам обоим эта неожиданная встреча была приятна, и мы не без основания могли рассчитывать на взаимную поддержку в дальнейшем. Так оно и было. Я раздал заранее подготовленные анкеты с интересующими меня вопросами, и попросил ребят к следующей нашей встрече, которую я наметил через неделю, вернуть их мне с ответами. В анкете помимо вопросов, касающихся их жизни вне техникума и семьи, были вопросы, об их склонностях, увлечениях, чем бы они хотели заняться помимо учёбы (спортом, техническим или художественным творчеством, участвовать в художественной самодеятельности и т.д.). Из своей практики я не исключал наличия желаний подрабатывать. Это, прежде всего, касалось старших по возрасту ребят, тем более что некоторые из них уже имели рабочие профессии. Кроме этого я предлагал им ответить на вопросы, касающиеся персонального состава органов самоуправления группы. Мой прежний опыт подсказывал мне, что на данном этапе оптимальным было это сделать негласно, в целях избежания групповщины, и получения более объективного волеизъявления. Мне кажется, что кое-что из излагаемого здесь будет так же полезным для некоторых моих читателей из числа молодых воспитателей, потому как в учебниках этого опыта нет.

В моей практической жизни преподавательская и иная деятельность в учебных заведениях имеет для меня особое значение. В ней я нашёл своё призвание, и до сих пор с горечью воспринимаю необходимость, по которой я вынужден, был прекратить её. Я сожалею, что, впоследствии возобновив эту деятельность, от которой я ощущал отдачу в виде результатов своего труда и моральное удовлетворение, я против своей воли был отстранён от неё.

Периоду этой моей деятельности я буду уделять в этой книге особое внимание. Он был одним из наиболее насыщенных в моей жизни, и многому меня в ней научил. В этот период я как бы по новому воспринимать жизнь нашего общества, сталкиваясь с обстоятельствами, которые, являлись теневой стороной этой жизни, к восприятию которых большая часть моего поколения и я, в том числе ещё не были готовы. Это было частью идеологического воздействия на наше сознание. Я рассчитываю на то, что эта часть опыта моего поколения, будет с пользой воспринята нашими последователями. Это, возможно, позволит им избежать на их жизненном пути некоторых подводных камней, которых мы избегать не могли, и это нередко усложняло нашу жизнь. Ну ладно об этом впереди.

В ту пору мне было уже 28 лет, разница в возрасте между мной и моими воспитанниками составлял 5—10 лет, максимально 13 лет. Это было уже другое поколение в нашем обществе, не знавшее трудностей войны и послевоенного периода, наиболее старшие ещё соприкоснулись с этим, другие слышали из рассказов родителей и очевидцев, а самые младшие жили уже другими заботами, ну и, слава Богу. Конечно, я очень рассчитывал на тех, кто уже отслужил в армии, кто познал цену труда и привык к дисциплине, и надо признать не ошибся в этих своих расчётах. Они мне помогали в воспитании подростков, в формировании дружного коллектива учебной группы, в организации своего и своих товарищей труда и отдыха, и обеспечении решения всех стоящих перед группой задач. Мне кажется нам удалось организовать нашу жизнь интересной, максимально полезной и я уверен, что это прожитое вместе время оставило

в памяти учащихся первой моей учебной группы, так же как и в моей памяти, добрый неизгладимый след.

Впоследствии мне посчастливилось выпустить группу учащихся, но уже другого техникума, и каждого из своих выпускников я помню, но память о первой группе, которую мне по определённым обстоятельствам довести до выпуска не удалось, осталась навсегда. Нам удалось наладить жизнь так, что старшие становились опорой и защитой младшим, помогая им преодолевать жизненные трудности, особенно связанные с отрывом от семьи, я имею в виду иногородних учащихся, проживающих в общежитии. Младшие, у кого ещё свежи были в памяти знания, полученные в школе, помогали старшим по возрасту, успевшим многое подзабыть.

Полтора года работы в техникуме в качестве мастера производственного обучения и руководителя группы, заставляли вдумчиво подходить к вопросам, связанным с необходимостью принятия решений, следуя принципу *«не навредить»*, ответственно относиться к порученному делу. К этому обязывало доверие, которое мне было оказано руководством техникума, решившегося на необычный в практике учебных заведений рискованный эксперимент, поручив мне, человеку, не имеющему педагогического образования и необходимых навыков, руководить учебной группой. Я умышленно использую термин руководитель, а не *«воспитатель»*, потому что мои подопечные в неменьшей степени воспитующе влияли на самого меня. Эта работа дала мне бесценный жизненный опыт, помогла критически оценить своё мироощущение, что не могло не повлиять на дальнейшее формирование моего гражданского самосознания, на пути поиска своего места в жизни.

Учебный год, как это было принято в нашей стране, начинался с трудового семестра на уборке урожая. Лучших условий для ускоренного знакомства, налаживания контактов, проявления качественных характеристик каждого, как говорится в народе определения *«кто есть кто»*, чем условия совместного проживания и труда не создашь. Именно в этих условиях человек проявляется как личность, обнажается его нутро, способности к хорошим или плохим поступкам. Проявляется готовность прийти на помощь, защитить или спрятаться, способность предать. По каким принципам действовать: *«один за всех и все за одного»*, или *«моя хата с краю, я ни чего не знаю»* или *«каждый за себя»*. Этот период позволял, как говорят в народе проверить каждого *«на вшивость»*, причём проявлялись не, только подопечные, но и их руководители их организаторские и человеческие качества в условиях, близких к экстремальным.

В нашем случае и учащиеся, и работники техникума представляли собой новые, только что сформированные коллективы, в новом только что открытом учебном заведении. Для всех это было первое испытание на способность решить первую, поставленную перед ними задачу, с которой начиналась история техникума. Можно понять с каким напряжённым вниманием относились к этому процессу все его участники. Прежде всего, это касалось коллектива преподавателей и других работников техникума и особенно его руководства. Если в других учебных заведениях имелся опыт организации и проведения таких работ, а для новых наборов учащихся присутствовал пример старшекурсников, которые с ними рядом работали и проживали, то для нас всё было вновь и в первый раз.

Помимо бытовых проблем, связанных с условиями жизни во временно приспособленных помещениях, с организацией питания, охраны здоровья и соблюдением требований законодательства по использованию труда несовершеннолетних, возникали проблемы психологического свойства. Они были связаны с формированием межличностных отношений в смешанной среде учащихся, где рядом с подростками были молодые люди разного возраста. Помимо разного возраста учащиеся отличались разным уровнем воспитания и образованности, разной приспособленностью к преодолению трудностей. Руководитель должен был быть готов к разрешению неожиданных и непредсказуемых ситуаций, к нейтрализации назревающих конфликтов. Прийти на помощь растерявшимся, уметь поставить на место зарвавшихся, не теряя при

этом своего лица. Всё это происходило в условиях, когда за тобой наблюдают внимательные глаза твоих подопечных. Надо было уметь выявлять неформальных лидеров, и главное умело использовать их качества на пользу всего коллектива. Потом после обретения некоторого опыта, я осознал, что авторитет наставника, степень доверия к нему со стороны руководимых им учащихся зависит от многих факторов. Например, от продуманных действий и поступков руководителя учебной группы, его способности предложить цели, позволяющие объединить во многом разных людей на их солидарное восприятие и достижение нужного результата, умения выдвинуть привлекательные для них задачи, в побуждающей для их решения форме, знания как организовать жизнедеятельность группы и т. д.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.